

ЗНАНИЕ ТРЕБУЕТ КРОВИ

18+

ШЕСТЕРКА АТЛАСА

ОЛИВИ БЛЕЙК

АБСОЛЮТНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
THE NEW YORK TIMES

Бестселлеры Оливи Блейк. Шестерка Атласа

Оливи Блейк
Шестерка Атласа

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44

Блейк О.

Шестерка Атласа / О. Блейк — «Издательство АСТ»,
2020 — (Бестселлеры Оливи Блейк. Шестерка Атласа)

ISBN 978-5-17-147047-0

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АЛЕКСАНДРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. Раз в десять лет только шесть самых талантливых магов могут заслужить место в самом известном тайном обществе – Александрийском. Избранные получают власть и престиж, о которых и мечтать не могли. Но какую цену им придется заплатить за честь быть членом этого общества? У каждого из новобранцев есть причины принять приглашение и бороться за место. Даже если это означает стать ближе, чем они могли себе представить, к своим опасным врагам. Даже если это означает быть преданными самими, как казалось, надежными союзниками. Даже если это означает, что не все они переживут испытания...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147047-0

© Блейк О., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Начало	6
Часть I. Оружие	8
Либби	8
Рэйна	16
Тристан	21
Каллум	26
Париса	29
Часть II. Истина	33
Нико	33
Тристан	40
Париса	43
Либби	47
Часть III. Битва	50
Каллум	50
Рэйна	56
Нико	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Оливи Блейк Шестерка Атласа

Text Copyright © 2022 by Olivie Blake

Jacket design by Jamie Stafford-Hill

Interior illustrations by Little Chmura

© Нияз Абдуллин, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Моему пареньку-физику и звездоокой девчушке, а еще лорду
Оливеру – за тумачи*

Начало

Об Александрийской библиотеке царей Птолемеев ходит множество слухов, они уже набили оскомину. История показала, что как предмет изучения она бесконечно восхитительна – то ли из-за ее богатства, которое, ограниченное лишь воображением, сводило с ума, то ли из-за величайшей страсти человечества – коллекционирования. Запретное – а это чаще именно знание – манит всех. Особенно если оно утраченное. Оскоми́на оскоми́ной, но когда речь заходит об Александрийской библиотеке, то возделенный предмет найдется у каждого, ну а мы – такой вид, который не устоит перед зовом далекого и неизведанного.

До разрушения в библиотеке, говорят, хранилось больше четырехсот тысяч папирусных свитков по истории, математике, инженерии и магии. Многие, неверно, видят время ползущей вверх линией, кривой роста и прогресса, но историю пишут победители, и их рассказ может исказить его форму. В реальности мы воспринимаем его как поток, течение, причем закольцованное. Мода и предрассудки в обществе меняются, однако знание не всегда движется по прямой. Вот и магия так же.

Мало кто знает правду о том, что Александрийская библиотека сгорела, спасаясь. Погибла, чтобы возродиться. Только не метафорически, как феникс, а расчетливо, как Шерлок. Когда к власти пришел Юлий Цезарь, древним Хранителям Александрии стало ясно: империя ровно усидит только на табурете о трех ножках – покорение, отчаяние и неведение. Знали они и то, что миру всегда будут досажать точно такие же деспоты, и потому решили тщательно спрятать бесценный архив. Иначе его было не спасти.

А вообще это старый трюк: погибнуть и скрыться, чтобы все начать заново. Возрождение библиотеки целиком зависело от ее способности хранить собственную тайну. Медитам – самым просвещенным среди волшебников – позволяли пользоваться знаниями из библиотеки, только пока они заботились о ней. Привилегии общества, вставшего на ее останках, были столь же высоки, сколь и обязанности: получив в распоряжение все знания мира, они подпитывали его и пестовали.

Мир все рос, ширились и Александрийские архивы, оставляя позади ставшие жертвами империй и империализма библиотеки Вавилона, Карфагена, Константинополя, исламских стран и Азии. Росл и влияние медитов и само так называемое Общество. Каждые десять лет оно набирало класс кандидатов, которые проводили год, изучая устройство архивов и будущее дело жизни. Целый год они жили, ели и спали под кровом архивов, дышали его знаниями. По истечении его пять из шести человек принимали посвящение. Затем они начинали независимый курс учебы в библиотеке – еще один год, после чего им даровали возможность остаться и продолжить исследования или, чаще, работу. Александрийцы шли в политические лидеры, попечители, генеральные директора, получали всевозможные премии. Посвященного александрийца ждали богатство, престиж и небывалые знания, и кандидатство становилось первым шагом на пути к бесконечным возможностям.

Вот что сообщал Далтон Эллери свежем у курсу кандидатов, из которых никто понятия не имел, зачем они тут и за что предстоит состязаться. Сам же Далтон Эллери, попав сюда когда-то, показал себя уникальным медитом, подобные которому рождаются раз в несколько поколений, и он предпочел этот путь множеству других. Подобно новичкам, он отринул себя прежнего и старую жизнь – серую, по сравнению с нынешней. Раньше он мог рассчитывать на какую-нибудь профессию, возможно даже прибыльную, и принес бы смертной экономике пользу, но так и не увидел бы ничего подобного тому, что встретил, приняв предложение Общества. В одиночку он мог бы творить исключительную, почти феноменальную магию. В конце концов он прогнулся бы, как прогибались все люди, под гнетом обывательства, борьбы и скуки.

Но этого не случилось. Мелочи обычного существования еще десять лет назад отошли ко тьме вещей, больше ему не грозивших.

Далтон еще раз окинул взглядом лица новичков и вообразил, какую жизнь мог бы прожить... Какую жизнь могли бы прожить все они, не получив таких... благ, вечной славы, несравненной мудрости. Здесь они подберут ключ к тайнам, которые мир хранил веками, тысячелетиями. К тому, чего никогда не коснется взгляд обывателя и чего не осознает слабый разум.

Здесь, в библиотеке, их судьбы изменятся, а прежние отомрут, как некогда сама библиотека, лишь затем, чтобы возродиться и уйти в тень, где их никто не увидит, кроме Хранителей, александрийцев да призраков непрожитых жизней и брошенных путей.

«Сила не дается даром», – не сказал Далтон. А еще сила не предлагается тому, кто не выдержит ее бремени – об этом он тоже умолчал. Поведал лишь о библиотеке, путях к посвящению и *что* новичкам теперь доступно – если, конечно, им хватит смелости протянуть руку и взять это.

Кандидаты слушали заворуженно, как и положено. Далтон умел вдыхать жизнь в вещи, идеи, предметы. Это был тонкий навык. Настолько тонкий, что даже не казался магией, и это делало Далтона исключительным ученым, да и вообще идеальным наставником для нового курса александрийцев.

Он еще не начал говорить, а уже знал, что все они примут предложение, поэтому просто соблюдал формальности. Александрийскому обществу не отказывают. Не устоят даже те, кто притворяется, словно им не интересно. Далтон знал: они будут драться, зубами и когтями, лишь бы пережить следующий год, и если они столь же тверды и талантливы, какими их сочло Общество, то почти все они выдержат.

Почти.

Мораль истории такова: Бойся человека, выходящего к тебе безоружным.
Ведь если в его глазах ты не цель, то наверняка ты сам оружие.

Часть I. Оружие

Либби

Пять часов назад

В тот же день, когда Либби повстречала Николаса Феррера де Варону, она по совпадению поняла, что слово «бешенство» – прежде она никогда им не пользовалась – это единственное мыслимое средство описать чувство, что она испытывает рядом с ним. Тогда же Либби нечаянно подожгла вековые портьеры в кабинете профессора Брикенридж, декана по делам студентов, из-за чего поступление в Нью-Йоркский университет магических искусств и вечная ненависть к Нико сплелись тугим узлом в ее памяти. После этого любые попытки сдерживать себя были тщетны.

Сегодняшний день обещал стать не похожим ни на один предыдущий – если не считать белого каления, – ведь учеба закончится, а значит, дорожки Либби и Нико наконец разойдутся. Больше они не встретятся, разве что случайно. В конце-то концов, Манхэттен не маленький, тут много кому удается избегать друг друга, и теперь Либби с Нико де Вароной работать не придется. Утром она едва не пела от радости, но ее парень Эзра списал это на другие актуальные события: курс она окончила (в паре с Нико, но лучше не думать об этом) с наивысшим баллом, а еще ей предстояло произнести речь на выпускном. Любое признание дорого, однако больше всего Либби манила новизна будущего.

Либби не могла нарадоваться рассвету более простой, лучшей, а главное – лишенной присутствия Нико де Вароны жизни.

– Роудс, – произнес Нико, занимая соседнее с Либби место на сцене.

Он словно покатал, как мраморный шарик, ее имя на языке и шутя потянул носом. Из-за его обласканных солнцем ямочек на щеках и очаровательно неправильной формы носа (на самом деле просто сломанного носа) некоторые легко закрывали глаза на непримечательный рост и бесчисленные недостатки характера. Либби же видела в Нико де Вароне хорошую наследственность и слишком большую для любого мужчины самонадеянность.

– Гм, странно... Это не от тебя дымом тянет?

Очень смешно. Обхохочешься.

– Осторожнее, Варона. Ты ведь знаешь, что этот зал стоит прямо над разломом?

– Еще бы. Мне же с ним работать предстоит, – вслух подумал он. – Жаль, кстати, что ты не получила стипендию.

Он явно пытался разозлить ее, поэтому Либби вместо ответа демонстративно уставилась в толпу. Она еще никогда не видела в зале столько народа: выпускники и их близкие заполняли ряды до самой галерки и пеной вхлестывались в вестибюль.

Даже издали Либби разглядела папин приличный блейзер, купленный лет, наверное, двадцать назад, еще на свадьбу, который он надевал на всякое мало-мальски формальное мероприятие. Папа с мамой сидели в среднем ряду, в двух местах от центра, и при виде них Либби на мгновение ощутила безграничную любовь. Она, конечно же, просила не беспокоиться и не приходиться, мол, стесняюсь и всякое такое... Однако папа пришел, не забыв надеть блейзер; мама же наредила губы. А рядом с ними находилось...

Пустое кресло. Либби успела заметить его, а через мгновение увидела девочку в кедах с высокими берцами. Кривясь от презрения к истеблишменту в лице собравшихся, та ловко протиснулась мимо чьей-то бабушки с тростью. Вовремя, ничего не скажешь. Мозг отказывался увязывать эти два элемента: ураган апатии (ходячее противоречие в платье-бюстье) и пустое

кресло рядом с родителями. У Либби поплыло перед глазами, и на секунду она испугалась, что на нее напала внезапная слепота. А возможно, Либби просто заплакала.

Уф, нет, ни то ни другое. Начать хотя бы с того, что Кэтрин, будь она еще жива, было бы далеко не шестнадцать. Подумать только, а ведь Либби обогнала старшую сестру. Она все еще не понимала такую мудреную математику, однако это не помешало о давней, смертельной ране зарубцеваться.

Впрочем, не успела Либби снова удариться в хандру с самобичеванием, как в проходе появилась еще одна знакомая фигура: виновато качнув гривой непослушных кудрей, она опустилась в свободное кресло. Эзра – надевший свой последний уцелевший свитер, который Либби еще не успела на неделе постирать, – заполнил дыру на месте Кэтрин. Он передал ее отцу программу, а матери – салфетку. Коротко поболтал с ними о чем-то и устремил взгляд на сцену. При виде Либби его глаза зажглись, и он одними губами произнес «привет».

Старая боль от потери сгладилась, сменившись облегчением. Кэтрин это не понравилось бы, как и платье Либби. Да и стрижка, наверное, тоже.

«Привет», – так же, одними губами, шепнула в ответ Либби, а Эзра изобразил знакомую кривую улыбку. Он постоянно что-нибудь перекусывал, но оставался худым, если не сказать тощим, и на первый взгляд казался ниже, чем был на самом деле. Он двигался с кошачьей грацией, и Либби нравилось это его изящество, тихая поступь, внушавшая спокойствие.

К несчастью, Нико проследил за ее взглядом, и уголок его рта насмешливо дернулся.

– А, вот и Фаулер. Явился все-таки.

Либби, которая позволила себе на миг роскошь забыть о Нико, вскинулась:

– Ты что-то имеешь против?

– Нет, просто думал, что ты уже подняла планочку, Роудс.

Не ведись, не ведись, не ведись...

– Эзру, кстати, недавно повысили, – спокойно ответила Либби.

– Он что-то научился делать?

– Нет, он... – Либби заставила себя замолчать, стиснув кулак и мысленно сосчитав до трех. – Он теперь проект-менеджер.

– Господи боже, – сухо произнес Нико, – как впечатляет.

Он улыбнулся при виде ее злобного взгляда, и она в ответ бесстрастно заметила:

– У тебя галстук сбился.

Нико машинально дернулся поправить его, а Либби добавила:

– Гидеон за тобой не поухаживал?

– Он просто... – Нико осекся, и Либби мысленно поздравила себя. – Очень смешно, Роудс.

– Что смешно?

– Гидеон – моя нянька, оборжаться. Это что-то новенькое и свежее.

– Типа насмешки над Эзрой – это новый виток эволюции.

– Я же не виноват, что над его серостью можно угорать вечно, – ответил Нико, и, если бы не тот факт, что они сейчас сидели перед всем курсом, преподавателями и прочими школьными работниками, Либби, не стала бы сдерживаться и дала своей магии выход.

Жаль, но поджог нижнего белья на Нико де Вароне сочли бы неприемлемым поведением.

«Последний день, – напомнила себе Либби. – Сегодня последний день с Нико. Пусть несет что угодно, это ничего не изменит».

– Как твоя речь? – спросил Нико, и Либби закатила глаза.

– Стану я обсуждать ее с тобой.

– Почему бы и нет? Я же знаю, у тебя боязнь сцены.

– Нет у меня... – Вдох. Ладно, два, на всякий случай. – Сцена меня не пугает, – намного ровнее произнесла Либби, – а если бы и пугала, чем бы ты мне помог?

– О, так ты решила, что я помощь предлагаю? – спросил Нико. – Извини, но нет.

– Все еще дуешься, что не тебе доверили выступление?

– Я тебя умоляю, – хмыкнув, прошептал Нико. – Мы же оба в курсе, что никто не тратил время на такую ерунду, как выборы оратора для прощальной речи. И потом, половина наших уже накидалась, – заметил он.

Либби знала, что так и есть, но правоту Нико признавать не хотела. К тому же тема была большая: он сколько угодно мог изображать равнодушие, но проигрывать Либби не любил. Даже в мелочах.

Либби знала это, потому что сама на его месте переживала бы то же.

– О-о-о? – задорно протянула она. – Если всем было пофиг, как же я победила?

– Так ты единственная и голосовала, Роудс. Ты, похоже, меня даже не слушаешь...

– Роудс, – угрожающе зашипела декан Брикенридж, проносясь мимо, тогда как церемония шла полным ходом, – Варона. Неужели так сложно посидеть тихо один час?

– Профессор, – ответили они хором, выдавив улыбки, а Нико суетливо потянулся поправить галстук.

– Это вовсе не сложно, – заверила декана Либби, понимая, что даже Нико не станет дурить и согласится. – Все хорошо.

Брикенридж выгнула бровь.

– Значит, утро задалось?

– Утро просто чудесное, – сказал Нико, нацепив одну из самых своих очаровательных улыбок.

Это-то и раздражало больше всего: с кем угодно, кроме Либби, он мог вести себя по-человечески, не вынося мозг. Нико де Варона был любимчиком преподавателей; сокурсники же хотели походить на него, встречаться с ним или просто дружить.

Только сильно отстранившись от вражды и позволив себе небывалую щедрость открытого суждения, Либби поняла, как такое возможно. Нико был невероятно, просто несправедливо симпатичен, и, несмотря на ум и одаренность самой Либби, сокурсники и преподы предпочитали ей Нико. Он обладал каким-то особенным даром вроде касания Мидаса: Нико умел совершенно без усилий превращать бредятину в золото; это было даже не навык ом, а машинальным действием, которое Либби, такой одаренный студент, не сумела освоить. Умение Нико легко очаровывать окружающих не поддавалось изучению, такое изящество не было предметом точных наук.

А еще у него была кошмарная способность убеждать людей, будто он знает, о чем говорит. Порой, может, это так и было, но уж точно не всегда.

Впрочем, самый страшный грех Нико совершил, уведя у Либби работу мечты. Просто сама Либби в этом ни за что не призналась бы. Попасть в крупнейшую на Манхэттене венчурную компанию – это вам не баран чихнул. Либби искала бы средства для инновационных медитских технологий, выбирая из целого портфеля невероятных идей с огромным потенциалом для роста и общественного капитала. Пришла пора действовать: мир перенаселен, ресурсы истощены... как никогда актуальны альтернативные источники энергии. Со временем Либби смогла бы изменить саму структуру развития медитов: выбрать тот или иной стартап, пересмотреть прогрессию глобальной экономики, и за это ей хорошо платили бы. Однако стипендия НУМИ уплыла к Нико, а без нее было никак.

Декан Брикенридж заняла свое место, Нико притворился пайнкой, и Либби задумалась о светлом будущем, когда она наконец перестанет соперничать с ним. Целых четыре года Нико был неотъемлемой частью ее жизни, словно некий надоедливый рудиментарный орган. Медиты-физики, повелевающие стихиями, были редким явлением; на свете таких жило лишь двое. Долгих четыре года Нико с Либби обоих запикивали на все уроки, зато в итоге они развили мастерство, граничившее разве что с их взаимной неприязнью.

Для Нико, который привык получать желаемое, Либби стала настоящей занозой. Она нашла его самоуверенным и заносчивым с первого же момента знакомства и с ходу ему об этом сообщила. А ведь больше всего на свете Нико де Варона ненавидел, если кто-то не влюблялся в него с первого взгляда. Должно быть, Либби нанесла ему первую в жизни травму. Всю ночь, поди, потом не спал, терзаемый мыслью, что на свете есть женщина, которая его не боготворит. Для Либби, однако, все было куда сложнее: она считала Нико козлом по многим статьям, к тому же он казался несносным, классическим напоминанием обо всем, чего ее жизнь лишила.

Нико происходил из семьи видных медитов, учился в частном порядке, не покидая роскошного дворца (как Либби думала) в Гаване с самого детства. Либби, уроженка Питтсбурга, в чьей мещанской родословной не было даже простых колдунов, вообще думала поступать в Колумбийский, пока в ее жизни не появился НУМИ в лице Брикенридж. Она совсем не знала о базовых принципах медитов, начала с самых низов магической теории, и вкальвать ей приходилось вдвое усерднее прочих – и лишь за тем, чтобы от нее отмахивались со словами: «Да, молодец, Либби... а теперь ты, Нико, что покажешь?»

Нико де Варона никогда бы не понял, на что это похоже, в бесчисленный раз подумала Либби. Нико был красив, умен, очарователен, богат, а Либби... Да, она сильная, не слабее Нико, а со временем так и вовсе имела шанс превзойти его, с таким-то превосходным чувством самодисциплины. Однако четыре года преподы оценивали их студенческие достижения с поправкой на Нико. Если бы не он, Либби освоила бы программу махом и, наверное, даже нашла ее скучной. Ей не сыскалось бы равных – не то что соперников. Да был ли ей кто-то ровней, кроме Нико?

Нет. Она еще не встречала физиков столь же сильных, как они с Нико. Ему достаточно было слегка утратить выдержку, и землю уже начинало трясти, а на то, чтобы вызвать хотя бы такие легкие толчки, у среднего медита ушло бы часа четыре. Сотворение же хоть чего-то из пустоты казалось и вовсе геркулесовым подвигом. Точно так же искорка огня в исполнении Либби стала бы более чем достойным поводом получить полную стипендию НУМИ и прибыльную работу на полную ставку после учебы. Перед силой Нико и Либби благоговели бы, ее превозносили бы, даже случись им проявить себя порознь, что, собственно, и светило им впервые за последние годы. Теперь, когда никто не будет сравнивать Либби с Нико, она сможет, наконец, встать в полный рост, не загоня себя при этом до полусмерти.

Эта мысль вызвала у Либби какое-то странное ощущение, похожее на тоску, но все же она сгорала от нетерпения.

Ощувив под ногами легкую дрожь, Либби оглянулась и заметила, что Нико забылся в мыслях.

– Эй! – Она ткнула его локтем в бок. – Перестань.

Нико ответил ей скучающим взглядом.

– А что сразу я, Роудс? Я же тебя в лесных пожарах не обвиняю.

Либби закатила глаза.

– Я умею отличать обычные подземные толчки от твоих истерик.

– Осторожнее, – предупредил Нико, стреляя взглядом в сторону Эзры и родителей Либби. – Ты же не хочешь, чтобы Фаулер увидел, как мы снова ссоримся? А то еще не так о тебе подумает.

Он что, снова за свое?

– Ты ведь понимаешь, что твое помешательство на моем парне – это сущее ребячество, Варона? Это ниже тебя.

– Разве я дно уже не пробил? – небрежно ответил Нико, а Брикенридж метнула в них предостерегающий взгляд с другого конца сцены.

– Просто перестань, – пробормотала Либби.

Нико и Эзра ненавидели друг друга два года, что учились в НУМИ, пока Эзра не выпустился, и это стало отдельной темой для противостояния Нико и Либби. Нико не знал тягот жизни, и потому борьба за жизнь Эзры ничего для него не значила. Либби с Эзрой знали, что такое потеря: он еще в детстве лишился матери, оставшись бездомным сиротой, тогда как Нико, наверное, в жизни и тоста не спалил.

– Напомню, кстати, что вам с Эзрой больше не придется пересекаться. Нам, – запоздало поправились она, – не придется больше пересекаться.

– Только не надо делать из этого трагедию, Роудс.

Либби бросила на него злой взгляд, а он посмотрел на нее, улыбнувшись краешком губ.

– Нет дыма без огня, – пробормотал Нико, и Либби снова ощутила прилив ненависти.

– Варона, ты можешь просто...

– ...с радостью представляю вам выпускницу, которая подготовила речь, Элизабет Роудс! – раздался голос ведущего, и Либби подняла взгляд, осознав, что весь зал сейчас смотрит прямо на нее. Эзра слегка хмурился, а значит, увидел, как она цапается с Нико.

Либби выдавила улыбку, встала с места и, проходя мимо Нико, пнула его в лодыжку.

– Постарайся волосы не теревить, – шепотом напутствовал Нико; и, уж конечно, специально – чтобы Либби снова зациклилась на своей челке, которая все две минуты выступления так и норовила упасть на глаза.

Умение достать было одной из малых магических способностей Нико. Сама речь удалась (вроде бы), хотя, когда Либби закончила, ей до жути хотелось снова дать Нико по лодыжке. Вместо этого она упала на свое место и вновь подумала, какая прекрасная жизнь наступит, стоит подождать еще минут двадцать; и тогда – прощай, Нико. Навеки.

– Молодцы, вы двое, – кисло сказала декан Брикенридж, пожимая им руки, когда ребята покидали сцену. – Целая церемония без единого инцидента. Впечатляет.

– Да, мы умеем впечатлить, – согласился Нико таким тоном, за который Либби захотелось дать ему леща. А вот Брикенридж гулко рассмеялась и, с улыбкой покачав головой, отправилась потом в противоположную сторону. Либби и Нико спустились со сцены.

Слившись с толпой выпускников и гостей, Либби остановилась и попыталась придумать что-нибудь этакое – да поужасней: прощальное, разрушительное напутствие-проклятие. Что потом будет преследовать Нико, даже когда она уйдет из его жизни.

Однако вместо этого Либби протянула ему руку, решив не вести себя как ребенок.

Быть воспитанной.

И так далее.

– В общем... это... удачи, – сказала Либби, и Нико с сомнением взглянул на ее ладонь.

– И это все, Роудс? – спросил он, поджав губы. – Брось, ты можешь лучше. Я знаю, ты же прощание в душе репетировала.

Боже, как он ее бесит.

– Забей, – сказала Либби и, развернувшись, направилась к проходу, который вел к дверям. – Не увидимся, Варона.

– Уже лучше, – крикнул он ей вслед, добавив небрежные аплодисменты. – Бра-во, Элизабет...

Она вихрем развернулась, сжимая кулак.

– А ты что скажешь на прощание?

– Ну, вряд ли теперь есть смысл говорить, – сказал Нико, изображая улыбку, которая больше напоминала самодовольную усмешку. – Или дать тебе самой угадать? Ну, знаешь, – добавил он, делая шаг навстречу, – чтобы было чем занять мозги во время монотонной жизни с Фаулером.

– Ты реально уникам, – огрызнулась она. – Дергать за косички – это не секси, Варона. Пройдет лет десять, а ты так и останешься один, и Гидеон будет выбирать за тебя галстуки. Я ни разу о тебе не вспомню, уж поверь.

– А на тебе лет через десять будут висеть три маленьких Фаулера, – отозвался Нико, – и ты вдруг подумаешь, какого хрена стало с твоей карьерой, пока твой серый муж будет требовать ужина.

Ну вот, опять оно.

Бешенство.

– Даже если я больше тебя никогда не увижу, Варона, – тихо закипая, сказала Либби, – все равно этого мало...

– Прошу прощения, – произнес рядом мужской голос, и Либби с Нико одновременно обернулись.

– Чего? – хором зло спросили они, и незнакомец, кем бы он ни был, улыбнулся.

Перед ними стоял темнокожий мужчина с гладко выбритой, поблескивающей головой. На вид Либби могла дать ему больше сорока. Он замер посреди редющей толпы выпускников, и весь его вид – от одежды (сплошной твид в клеточку) до манер – откровенно выдавал в нем британца. А еще он был очень высок.

И пришелся чрезвычайно не ко времени.

– Николас Феррер де Варона и Элизабет Роудс? – спросил незнакомец. – Могу ли я сделать вам предложение?

– У нас уже есть работа, – раздраженно бросила Либби, не дожидаясь, пока Нико ответит в своей неизменно аристократической манере. – Но самое главное, вы нас перебили.

– Да, я заметил, – насмешливо заметил мужчина. – И тем не менее, боюсь, я стеснен во времени. Поэтому если и делаю предложение, то выбираю поистине лучших.

– И кого из нас двоих? – спросил Нико, с излишним чванством выдержав злобный взгляд Либби, а после обернувшись к незнакомцу, который ждал, повесив на предплечье зонтик. – Если, конечно, это не...

– Вы оба, – сказал мужчина, а Нико с Либби обменялись пылающими взглядами, которыми как бы говорили друг другу «Или же один из нас», чем только подтвердили его выбор.

Мужчина пожал плечами, а Либби, хоть и не заинтересовалась, слегка нахмурилась.

– Кто из вас преуспееет, определять вам, не мне.

– Преуспееет? – невольно переспросила она. – Что это значит?

– Место есть для одного. Всего отобрано шестеро. Лучших со всего света.

– Со всего света? – с сомнением переспросила Либби. – Мне кажется, вы преувеличиваете.

Мужчина склонил голову.

– С удовольствием раскрою наши критерии. В настоящее время в мире живет примерно десять миллиардов человек, не так ли? – спросил он, и Либби с Нико, слегка обескураженные, осторожно кивнули. – Девять с половиной миллиардов, если быть совсем точным, из которых лишь часть наделена магическими способностями. Пять миллионов – плюс-минус – тех, кого можно классифицировать как колдунов и ведьм. Разумеется, только шесть процентов из них дотягивает до уровня медитов, годных для обучения по университетской программе в учреждениях, которые разбросаны по всему земному шару. Из них только десять процентов подходят для обучения в лучших университетах вроде этого, – сказал он, жестом руки окидывая баннеры НУМИ. – Разумеется, совсем малая доля – один процент, а то и менее, – попадает в поле зрения нашего отборочного комитета. Большинство отсеивается еще на старте. Остается три сотни человек. Из этих трех сотен только десять процентов обладает необходимыми качествами: специальность, академическая успеваемость, черты характера и прочая.

Тридцать человек. Нико самодовольно взглянул на Либби, будто знал: она наверняка сейчас прикидывает в уме цифры. А она в ответ посмотрела на него с презрением, словно понимала, что он – нет.

– А потом, конечно же, начинается самое интересное, подлинный отбор, – продолжал мужчина так, будто у него в распоряжении была уйма времени, что предполагал его шитый по мерке твидовый костюм. – У кого из студентов самая редкая магия? Самый пытливый ум? Подавляющее большинство ваших одаренных сокурсников отправится служить магической экономике в качестве счетоводов, инвесторов, юристов по магическому праву, – просветил он. – Может, среди них найдутся редкие счастливицы, которые создадут нечто особенное, но лишь тридцать человек действительно достойны считаться феноменальными, и, конечно, только для шестерых поистине особенных откроется дверь.

Незнакомец слегка улыбнулся.

– К концу года, разумеется, из нее выйдут пятеро, но до этого момента еще надо дожить.

Либби, которая все еще была потрясена критериями отбора, уступила Нико первое слово.

– Думаете, что лучше нас с Роудс всего четверо?

– Я думаю, что в мире всего шесть обладателей равно уникального таланта, – уточнил мужчина с таким видом, будто повторял нечто, сказанное ранее и известное, – к числу которых вы можете или не можете относиться.

– Так нам, значит, соревноваться друг с другом, – кисло заметила Либби, бросая взгляд на Нико, – снова?

– И другими четырьмя, – подтвердил незнакомец, протягивая им карточку. – Атлас Блэйкли, – представился он, а Либби присмотрелась к визитке: «Атлас Блэйкли, Хранитель». – Как я уже сказал, я бы хотел сделать вам предложение.

– А что вы, собственно, храните? – спросил Нико, и Атлас Блэйкли искренне улыбнулся ему.

– Будет лучше, если я расскажу все всем сразу, – ответил он. – Прошу простить, но разъяснять пришлось бы очень многое, а предложение остается действительным еще несколько часов.

Либби, которая почти никогда не позволяла импульсам взять над собой верх, сохраняла настороженный настрой и недоверие.

– Вы даже не скажете, что предлагаете? – спросила она Атласа, найдя его тактику вербовки чрезмерно скрытной. – Так с какой нам стати вообще соглашаться?

– Что ж, это решать совсем не мне, не так ли? – Атлас пожал плечами. – Как бы там ни было, я вас предупредил: время поджимает, – напомнил он, взяв зонтик в руку, в то время как от толпы осталось всего несколько человек, да и те уже двигались по проходу. – Временные зоны – дело хитрое. Кого из вас мне ждать? – спросил он, со значением перевода взгляд с одного на другого.

Либби нахмурилась.

– Вы же говорили, что это нам решать?

– О, в конечном счете все и правда обстоит так. – Атлас кивнул. – Я лишь предположил – глядя, как рьяно оба вы стремитесь разойтись, – что приглашение примет только один.

Либби схлестнулась взглядом с Нико. Оба ошетинились.

– Ну, Роудс? – тихим, издевательским тоном произнес Нико. – Сама скажешь ему, что я лучше, или это сделать мне?

– Либс, – окликнул ее подбежавший Эзра. Заметив его всклокоченную шевелюру, Либби попыталась придать лицу беззаботное выражение, сделала вид, будто с ней не происходит то, что обычно случается в присутствии Нико (а именно неизбежная потеря терпения). – Ну что, пошли? Твоя мама ждет снару...

– О, привет, Фаулер, – сказал Нико, надменно улыбаясь. – Проект-менеджер, значит?

Либби внутренне вздрогнула. В его устах название новой должности Эзры звучало как оскорбление, хотя для любого медита это было престижным местом. Но ведь Нико де Варона не «любой медит». Он же собирался стать кем-то больше, кем-то... заметным.

Он был одним из шестерки лучших на свете. На всем белом свете.

И она тоже.

Но ради чего это?

Либби моргнула, выныривая из раздумий и видя, что Нико все еще говорит:

– ...взял и перебил. Фаулер. Может, дашь нам минутку?

Эзра нахмурился и настороженно перевел взгляд на Либби.

– У тебя...

– ...все нормально, – успокоила она его. – Просто... погоди секунду, ладно? Секунду, – повторила она, отводя его в сторонку, снова обернулась к Атласу... и запоздало сообразила, что Эзра его не видит.

– Ну так что, Николас? – выжидательно спросил Атлас.

– О, можно просто Нико. – Варона сунул визитку в карман и с напыщенным, довольным видом протянул ему правую руку. – Когда мы с вами встретимся, мистер Блэйкли?

О нет.

О нет!

– Прошу, зови те меня Атлас, Нико. Можете переместиться при помощи этой карточки сегодня во второй половине дня, – ответил Атлас и обернулся к Либби. – Что касается вас, мисс Роудс, то должен сказать, что я разочарован, – произнес он, тогда как ее разум протестующе вспыхнул, – но как бы то ни было, был рад...

– Я тоже приду, – поспешно сказала Либби, и, к ее ярости, губы Нико тронула снисходительная улыбка; он будто ждал этого решения, но в то же время удивился. – Это же просто встреча, так? – спросила она, обращаясь одновременно к Нико и Атласу, а себе говоря, что вопрос чисто риторический. – Я могу согласиться или отказаться после того, как вы все объясните, правда?

– Разумеется, – склонив голову, подтвердил Атлас. – Значит, жду вас обоих вечером.

– И вот еще что, – остановила его Либби, бросив быстрый взгляд на Эзру, который смотрел на нее и Нико из-под насупленных бровей. Волосы у него выглядели особенно растрепанными, словно он сам взъерошил их от возбуждения. – Мой парень вас не видит, так? – А когда Атлас подтвердил ее догадку, кивнув, она поспешила спросить: – Тогда чем мы занимаемся для него?

– О, думаю, его разум сам заполняет пробелы подходящими образами, – сказал Атлас, и Либби слегка побледнела, догадавшись, что это может быть. – Итак, до вечера, – добавил Атлас, скрываясь из виду.

Нико трясло от беззвучного хохота.

– Чего ржешь? – зашипела Либби, и Нико, взяв себя в руки, пожал плечами и подмигнул Эзре.

– Думаю, скоро сама узнаешь. Увидимся, Роудс, – сказал он, отвесив пафосный поклон, а Либби осталась гадать, не пахнет ли дымом.

Рэйна

Четыре часа назад

Когда Рэйна Мори родилась, неподалеку в деревеньке полыхал пожар. Непривычные к такому бедствию, селяне особенно остро тогда осознали, что смертны. Для Токио, эпицентра развития как магических, так и смертных технологий, пожар был очень примитивной и архаичной формой несчастья, и гибель от простого неистового пламени вызывала у его жителей некий суеверный или религиозный ужас. Порой во сне Рэйна чувствовала запах дыма и, проснувшись, свешивалась с края постели, надсадно кашляла, пока следы едкого запаха не выветривались из легких.

Врачи сразу поняли, что она медит высшего калибра, превосходящий по силе даже ведьм, которые и без того встречались редко. В высотке больницы естественной жизни было не очень много, но и та, что имелась – декоративные растения по углам, букеты цветов от близких, – тянулась к ее младенческому тельцу, словно нервные маленькие детки, жаждущие тепла и бегущие от смерти.

Бабушка Рэйны называла ее рождение чудом, говоря, мол, вместе с Рэйной вздохнул облегченно весь мир, цепляясь за дар жизни, который она принесла. Рэйна же, напротив, считала это началом бесконечно долгих испытаний.

По идее, ярлык натуралиста – не такое уж наказание, каким он стал для нее. В стране было немало других натуралистов, многие рождались в деревне и выбирали работу в крупных сельскохозяйственных компаниях; им прилично платили за помощь в растущем производстве соевых бобов или очистке воды. То, что Рэйна оказалась в их числе, или то, что ее вообще назвали натуралистом, казалось неправильным. Прочие медиты обращались к природе, и, если просили вежливо, учтиво или властно, она их одаривала. В случае же с Рэйной она больше походила на капризного брата или сестру, или неизлечимого родственника-наркомана, который вечно приходил незвано и чего-то требовал. Рэйна же такую родню по большей части вообще игнорировала, мол, давай без меня как-нибудь.

Зачем еще рождаться чьей-то внебрачной дочерью, как не за тем, чтобы научиться перекраивать свою родословную, стирая себя из нее? Рэйна родилась с умением становиться глухой.

Поступать в школу в Осаке смысла она не видела, разве только чтобы убраться из Токио. Токийский магический университет был очень даже хорош, просто Рэйну не грела мысль застрять в одном месте. Она упорно искала сведения о судьбах вроде ее – когда ты не совсем спаситель, просто тебя тяготит забота о многих, – и большую часть ответов находила в мифах. В них колдуны или боги, принятые за колдунов, переживали похожее, а порой добивались того, к чему она стремилась: побега на острова, по полгода в Подземном царстве, вынужденное превращение врага в нечто немое. Учителя увещевали ее практиковать магию природы, заниматься ботаникой и гербологией, сосредоточить усилия на деталях растительной жизни, но Рэйне хотелось классики. Литературы и, самое главное, свободы, которую даровали размышления о том, что не смотрело на тебя со слепой жадной хлорофилла. Когда Токио всучил стипендию, прямо-таки умоляя продолжить обучаться у ведущих натуралистов, Рэйна вместо этого приняла приглашение Осаки и ее более свободный список предметов.

Не великий побег, но уж что есть.

Она окончила Магический институт Осаки и устроилась официанткой в кафе с чайной комнатой близ эпицентра магии в городе. Самое лучшее в этой работе было то, что способности избавляли почти от всей беготни и оставалось полно времени на чтение и творчество. Рэйна, которую хотело взять с руками и ногами множество фирм (даже конкурирующих компаний из Китая, Соединенных Штатов и Японии), сразу же после выпуска постаралась как можно дальше убраться от необъятных просторов полей, где и земля, и ее обитатели высосали бы ее

досуха. В кафе растений не было, а то, что под ее руками порой гнулась деревянная мебель и на обнаженных годичных кольцах вдруг, подобно мольбе, возникало ее имя, – так и фиг с ним.

Это, однако, не значило, что Рэйну не искали. Сегодня вот пришел высокий темнокожий мужчина в тренчке «Берберри».

К своей чести, он не походил на обычного злодея-капиталиста. Скорее на Шерлока Холмса. Он вошел, сел за столик и выложил перед собой три семечка в ожидании, когда Рэйна со вздохом встанет и подойдет.

Больше в кафе никого не было. Видимо, заботами незнакомца.

– Заставьте их вырасти, – совершенно не к месту предложил он.

Говорил мужчина со сдержанным токийским акцентом, и Рэйне сразу стало ясно: во-первых, он точно знал, кто она такая, или, по крайней мере, откуда родом. И во-вторых, это был не его родной язык. Рэйна взглянула на незнакомца пустым взглядом.

– Я не заставлю их расти, – сказала она по-английски. – Они сами.

Это его не смутило – он, такой чопорный, будто ждал, что она скажет нечто подобное, и произнес с роскошным британским акцентом:

– Думаете, это никак с вами не связано?

Она знала, какого ответа он ждет, но решила, что ничего он не получит, как и другие до него.

– Вам от меня что-то нужно, – заметила Рэйна и глухо добавила: – Всем что-то нужно.

– Нужно, – согласился мужчина. – Кофе, пожалуйста.

– Отлично. – Она махнула рукой себе за спину. – Минуты две подождите. Еще что-нибудь?

– Да, – сказал мужчина. – Когда вы злитесь, получается лучше? Или когда грустите?

Так значит, не кофе ему нужен.

– Не понимаю, о чем вы.

– Есть ведь и другие натуралисты. – Он смерил ее долгим, изучающим взглядом. – С какой стати мне выбирать вас?

– Ни с какой, – ответила Рэйна. – Я официантка, а не натуралист.

Тут одно из семян раскрылось, впиваясь корешками в деревянную столешницу.

– Есть дар, а есть талант, – произнес мужчина. – Как бы вы назвали это?

– Никак. – Проклянулся второй росток. – Наверно, проклятье.

– Гм. – Мужчина взглянул на семена, а потом на Рэйну. – Что читаете?

Она и забыла, что под мышкой у нее зажата книга.

– Перевод рукописи Цирцеи, греческой ведьмы.

Мужчина коротко улыбнулся.

– Это ведь давно утерянная рукопись, не так ли?

– Люди прочитали, – ответила Рэйна. – И записали суть.

– То есть она такая же надежная, как Новый Завет, – подытожил незнакомец.

Рэйна пожала плечами.

– Что есть, то и читаю.

– А если я скажу, что можно изучить оригинал?

Третье семя подскочило и, срикошетив от потолка, упало на пол и там проросло.

Некоторое время ни Рэйна, ни гость не двигались.

– Его не существует, – прочистив горло, заявила наконец Рэйна. – Вы сами сказали.

– Нет, я подчеркнуто сказал, что он давно утерян, – возразил мужчина, глядя, как тоненькие волокна жадно расплзаются по поверхности семени у него ног. – Просто не каждому дано его прочесть.

Рэйна поджала губы. Подкуп странный, конечно, но и прежде ей предлагали всякое. Однако раз у всего есть цена...

– Ну и что мне надо будет делать? – раздраженно поинтересовалась она. – Пообещать вам взамен восемь лет урожайности? Повысить процент годового дохода? Нет уж, благодарю.

Она развернулась, но тут у нее под ногами что-то щелкнуло. Из-под пола пробились крошечные зеленые побеги и щупальцами поползли к ее ногам.

– Что скажете, – нейтральным тоном произнес незнакомец, – о плате в виде трех ответов?

Рэйна резко обернулась, но он даже не моргнул. Видно, умел прекрасно манипулировать людьми.

– Отчего так происходит? – спросил он. И Рэйна, будь у нее выбор, не стала бы отвечать.

– Не знаю. – Она выжидательно выгнула бровь и вздохнула. – Ладно, оно... меня использует. Забирает силы, мысли, эмоции. Если можно взять больше сил, оно берет. Мне почти всегда удается это сдерживать, но если потерять контроль над мыслями...

– Что с вами в это время происходит? Нет, погодите, я выражусь точнее, – поправился гость, видимо, вспомнив обещание задать всего три вопроса. – Оно вас иссушает?

Рэйна выпятила челюсть.

– Порой кое-что дает взамен, но вообще да.

– Понятно. И последний вопрос: что происходит, когда вы пытаетесь сами его использовать?

– Я же сказала, что не пользуюсь им.

Мужчина откинулся на спинку стула и указал на два семени на столе: одно еще худобно пыталось выпустить корни, тогда как второе лежало раскрытое и пустое. Намек она поняла: попробуй и посмотри, что будет.

Рэйна прикинула в уме возможные исходы.

– Кто вы такой? – спросила она, оторвав взгляд от семени.

– Атлас Блэйкли, Хранитель.

– И что же вы храните?

– Был бы рад рассказать, – ответил Атлас, – но дело в том, что это знание не для всех. Технически я пока не могу вас пригласить, поскольку в списке есть еще один шестой кандидат.

Рэйна нахмурилась.

– Что это значит?

– Это значит, что приглашение получают только шестеро, – просто объяснил Атлас. – Ваши преподаватели из Института Осаки, похоже, думают, что вы мое предложение отклоните, а это делает ваше положение... – Он умолк. – Что ж, буду откровенен: единодушия нет, мисс Мори. У меня есть ровно двадцать минут на то, чтобы убедить остальных членов совета сделать вас нашим шестым кандидатом.

– Кто сказал, что оно мне надо?

Атлас пожал плечами.

– Может, и не надо, – допустил он. – И если так, я оповещу другого кандидата, что место – за ним. Это странник, юноша, очень умный, хорошо обученный. Возможно, даже лучше вашего. – Он многозначительно помолчал. – Обладает очень редким даром, но, как мне кажется, ваши способности значительно полезнее.

Рэйна ничего не сказала, а росточек, что обвился вокруг ее ноги, издал обиженный вздох и слегка увял, чувствуя ее опасения.

– Ну что ж, – произнес Атлас, вставая из-за стола, и Рэйна вздрогнула.

– Постойте. – Она сглотнула. – Покажите мне рукопись.

Атлас выгнул бровь.

– Вы же сказали, что я просто должна дать три ответа, – напомнила Рэйна, и уголки его губ чуть приподнялись в знак одобрения.

– А ведь правда, сказал.

Взмах руки – и между ними в воздухе повисла книга в переплете ручной работы. Обложка осторожно приподнялась, открывая содержимое: написанные от руки строчки мелких символов, смесь древнегреческого и псевдоиероглифических рун.

– Про какое заклинание вы читали? – спросил Атлас, когда Рэйна потянулась к страницам. – Прошу прощения, – произнес он и жестом руки отодвинул книгу от нее на несколько дюймов, – вам нельзя ее касаться. Ее из архивов-то вынимать запрещено, однако я все же надеюсь, что вы докажете результативность моих усилий. Так про какое заклинание вы читали?

– Я, э-э... Укрывающие чары. – Рэйна вчитывалась в рукопись, но понимала от силы половину. В Осаке руны преподавали на базовом уровне. В Токио программа была получше, но опять-таки пришлось бы платить. – Те, которые Цирцея применила для сокрытия острова.

Атлас кивнул, страницы книги сами собой перевернулись, и Рэйна увидела голое изображение Ээи; но часть с письмом кто-то вырвал. Это было грубое, незавершенное заклятие, но Рэйна и такого не могла освоить в пределах базовой медитской теории. Чары иллюзии в Осаке преподавали только иллюзионистам, а она в их число не входила.

– О-о-о, – протянула Рэйна.

Атлас улыбнулся.

– Пятнадцать минут, – напомнил он ей и заставил книгу исчезнуть.

Выходит, и тут не без подвоха. Таких увещеваний Рэйна никогда не любила, но логическая часть ее понимала, что зазывать ее никогда не перестанут. Она была колодцем силы, хранилищем за тяжелыми дверьми, и либо люди найдут способ взломать их, либо ей придется время от времени открываться. Но только перед достойным просителем.

Она закрыла глаза.

«*Можно?*» – спросили семена тоненькими голосками на своем языке, который ощущался как покалывание на коже. Они напоминали детей: «*Мам, ну можно-можно-можно?*»

Рэйна вздохнула.

«*Растите,* – велела она на их же языке. Она не знала, как воспринимают ее ростки, но, видимо, они все прекрасно понимали. – *Берите что вам надо,* – ворчливо добавила Рэйна, – *только растите*».

И она всем нутром ощутила облегчение, услышав: «*Да-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а*».

Когда она снова открыла глаза, семечко у ее ног, оказалось, выпустило множество тоненьких веточек, поднявшихся к потолку и распространившихся по нему, как сыпь. То, которое лежало на столе, сломало крышку надвое и покрыло ее, словно мох – ствол бесплодного дерева. Последнее, расколотое, задрожало и лопнуло пышным, красочным побегом, принявшим форму лозы, а уже на ней набухли плоды. Те зрели и наливались с астрономической скоростью.

И вот когда яблоки округлились, тяжелые и соблазнительно спелые, Рэйна выдохнула, расслабила плечи и в ожидании взглянула на гостя.

– А, – произнес Атлас, поерзав на стуле. Растения распустились так, чтобы не мешать ему сидеть с удобством, но, оказавшись между навесом из веточек и плотным ковром из корней, он уже не мог пошевелить ногами или встать. – Выходит, это и дар, и талант.

Рэйна и сама знала себе цену, а потому не стала комментировать.

– Какие еще у вас есть книги?

– Я пока еще не расширял свое предложение, мисс Мори, – ответил Атлас.

– Я нужна вам, – сказала Рэйна, вздернув подбородок. – Никто больше так не умеет.

– Верно, но вы не знаете остальных кандидатов из списка, – сказал Атлас. – У нас есть два физика, лучше которых не встречалось вот уже несколько поколений, уникальный иллюзионист, телепат несравненной силы, эмпат, способный приманить многотысячную толпу...

– Неважно, кто еще у вас есть. – Рэйна выпятила челюсть. – Я вам все равно нужна.

Атлас подумал над ее словами.

– Да, – сказал он потом. – Да, все верно.

«Ха-ха-ха, – рассмеялись растения. – Ха-ха, мама победила».

– Хватит, – прошептала Рэйна веточкам, что спустились и одобрительно потрепали ее по макушке. Атлас же встал и, посмеиваясь, протянул ей карточку.

– Возьмите, – сказал он, – и где-то часа через четыре вас по ней перенесет в нужное место.

– Для чего? – спросила Рэйна, и Атлас пожал плечами.

– Я бы предпочел не повторяться, – ответил он. – Всего наилучшего, Рэйна Мори. Это еще не последнее ваше испытание.

Сказав это, он исчез, а Рэйна зло посмотрела на пустое место.

Меньше всего ей нужно было, чтобы кафе обросло растениями, да еще и заказанный кофе остался стынуть на стойке.

Тристан

Три часа назад

– Нет, – произнес Тристан, когда открылась дверь. – Только не сейчас, нет.

– Друг, – простонал Рупеш, – ты здесь уже вечность торчишь.

– Да, – согласился Тристан, – работаю. Уму непостижимо, правда?

– Едва ли, – пробормотал Рупеш, падая в свободное кресло по другую сторону от стола. – Ты же будущий сын и наследник, Трис. Зачем тебе упухиваться, если ты и так все получишь?

– Во-первых, компания – это тебе не королевство, – пробормотал Тристан, не отрываясь от цифр, и взмахом руки переставил их. Оценка пошла слегка вкривь, и он подогнал льготную ставку, понимая, что осторожному совету инвесторов захочется взглянуть на процентный диапазон пошире. – Да и была бы тут монархия, я все равно не наследник. Просто...

– Помолвлен с дочерью босса, – подсказал, выгнув бровь, Рупеш. – Пора бы уже дату свадьбы назначить, знаешь ли, а то с помолвки уже два месяца прошло. Уверен, Иден стораит от нетерпения.

Так и есть, а еще все более открыто намекает на это с каждым днем.

– Я был занят, – сдержанно произнес Тристан. – И вообще, именно на это у меня времени и нет. Уходи, – сказал он, указав на дверь. – Мне перед уходом нужно провести еще минимум три оценки.

Близился ежегодный семейный отпуск Уэссексов, и Тристану, как обычно, предстояло сопровождать Иден. Четвертый раз он готовился явиться на отдых в качестве плюс одного старшей дочери семьи Уэссекс. Нет нужды говорить, что это было его самым нелюбимым занятием: следить за каждым своим жестом, за языком... Маска благопристойности так утомляла. Хотя все это бесконечное притворство окупалось доступом к несравненной идиллии Уэссексов. Безупречное поведение Тристана сильно расстраивало Иден, которая только и ждала, когда же он лопухнется за семейным ужином. Она бы салют устроила, но для Тристана даже микропроявление агрессии могло стоить места, где его считал наследником тот, кто и отцом-то ему не был.

Тристан подумывал убедить Иден дать ему свою фамилию; надеялся, что так удастся сделать последний шаг и определить свою судьбу.

– Ты едешь с ними в отпуск, – напомнил Рупеш, выгибая темную густую бровь. – Ты уже часть их семьи.

– Нет, не часть.

Пока еще нет. Тристан помассировал висок и снова взглянул на цифры. Эта сделка требовала внимания, не говоря уже о том, что представленная магическая инфраструктура кишела проблемами. И все же выгоду проект сулил куда большую, чем любое из тринадцати медитских предложений, оцененных за прошедший день. Джеймсу Уэссексу он понравится, и даже если возмутятся остальные члены совета, они помнят, чье имя красуется на фасаде здания.

Тристан поместил проект в папку с пометкой «может быть», добавив:

– Я не просто унаследую эту компанию, Руп. Ради нее я должен трудиться. Чего и тебе не помешало бы, – посоветовал он, поднимая взгляд и поправляя очки для защиты от синего света. Рупеш закатил глаза.

– Ну так давай, заканчивай, – предложил он. – Иден уже весь день постит фоточки с приготовлениями.

Иден Уэссекс, дочь миллиардера инвестора Джеймса Уэссекса, была красавицей, наследницей и, следовательно, готовым продуктом, способным добывать деньги буквально из воздуха благодаря внешности и влиянию. Тристан лично посоветовал совету «Уэссекс» подумать над вложением в «Молнию», магический аналог социальной сети для смертных. С тех пор Иден стала лицом компании.

– Верно, спасибо, – сказал Тристан, прочистив горло. Пока они тут болтали, она наверняка прислала ему кучу сообщений. – Скоро закончу. У тебя все?

– Ты же знаешь, пока ты не закончишь, я домой не пойду. – Рупеш подмигнул. – Не могу же я просто взять и уйти раньше золотого мальчика, а?

– Ну ладно, как хочешь, тебе же хуже, – сказал Тристан, указав на дверь. Еще два предложения, подумал он, глядя на бумаги. Или ладно уж, одно. Второе так и так было неподходящим. – Топай отсюда, Руп. И сделай что-нибудь с пятном от кофе.

– Чего? – спросил, опуская взгляд на грудь, Рупеш, а Тристан оторвался от папки.

– У тебя иллюзии протухли, – заметил он, указав на отметину на кончике галстука Рупеша. – Нельзя потратить пять сотен фунтов на дизайнерский ремень, а потом скрывать грязь на вещах чарами с помойки. – Впрочем, это было именно в духе Рупеша. Некоторых заботит только то, что видят окружающие, а Рупеш не догадывался, как хорошо Тристан видит его – буквально насквозь.

– Боже, ну ты и зануда! – закатив глаза, пожаловался Рупеш. – Всем плевать, выдохлись у меня чары или нет.

– Если бы ты еще про все знал... – Тристан решил, что этого намека хватит. Рупеш Абкари родился богатым наследником и в богатстве, скорее всего, умрет.

Как же ему повезло.

– Я тебя и раньше не любил, а теперь вообще ненавижу, приятель, – ослабившись, произнес Рупеш. – Ладно, в общем, сворачивайся, Трис. Сделай всем одолжение: оттянись там на берегу моря, чтобы мы здесь могли выдохнуть, ладно?

– Постараюсь, – заверил его Тристан. Дверь закрылась, и наконец-то он снова остался один.

Он отбросил одно предложение в сторону и взялся за другое, более перспективное. Цифры показались надежными, да и вложить требовалось не такие крупные средства, а значит...

Дверь открылась, и Тристан застонал:

– Последний раз, Рупеш...

– Это не Рупеш, – ответил ему низкий голос, и Тристан, оторвавшись от монитора, приоткрыл глаза к чужаку. Это был высокий темнокожий мужчина в непримечательном твидовом костюме. Встав на пороге, он оглядел сводчатый потолок кабинета.

– Ну что ж, – произнес незнакомец, входя и позволяя доводчику закрыть дверь. – Высоко же, смотрю, ты поднялся.

Высоко, без сомнений. Новый понтовый кабинет с окнами на север, в которые видно слоистое лондонское небо, – трофей, пришедший с последним назначением. Однако всякий, кто знал, где этот подъем начинался, был для Тристана проблемой. И вот он, помрачнев, приготовился к падению.

– Если вы... – сцепив зубы, Тристан не дал вырваться наружу слову «друг», – ... партнер моего отца...

– Не совсем так, – успокоил его мужчина. – Хотя все мы в некоторой степени знаем Эдриана Кейна, ведь так?

Мы. Усилием воли Тристан не дал себе скривиться.

– Если вы хотите поговорить с Кейном... – сказал он. Да, у него на столе все еще стояла табличка с этим именем, но местные сотрудники вряд ли уловили бы связь. Богатые не обращают внимания на дерьмо под ногами, главное – время от времени убирать его и не показывать. – ... Я вам ничем не смогу помочь.

– А я ни о чем и не прошу, – ответил мужчина и вопросительно посмотрел на пустое кресло перед столом – присесть Тристан ему не предложил. – Хотя, – продолжил незнакомец, – мне очень интересно, как же ты встал на этот вот самый путь. Ведь ты, в конце концов, был

наследником другой, пусть и иного рода империи, разве нет? – спросил он, но Тристан ничего не ответил. – Ума не приложу, как это единственный сын Кейна решил увести состояние Уэссекса.

Не то чтобы это кого-то касалось, но еще когда Тристан учился в универе, они с отцом в двустороннем порядке оборвали всякие связи – едва стало ясно, что Эдриан Кейн считает Тристана чем-то вроде бестолкового инструмента в руках богачей: в лучшем случае забавной зверушкой, в худшем – рабом у алтаря их пороков. Может, это и так, но, в отличие от отца, Тристан за деревьями разглядел и лес. Эдриан Кейн был человек мерзкий, деспотичный и жадный, Джеймс Уэссекс – ему под стать, но Тристану хватало ума понять, кого из них беда не коснется.

– Не все делается ради денег, – ответил Тристан, нагло соврав. Он всюду искал выгоды, но, когда денег будет много, он наконец забудет об этой истине. Лелея надежду разбогатеть, он и предпочел жить в этом мире. – Если не возражаете...

– Тогда ради чего? – спросил мужчина, и Тристан раздраженно вздохнул.

– Послушайте, не знаю, кто вас сюда впустил, но...

– Ты способен на большее. – Незнакомец чопорно смерил его пристальным взглядом. – Мы же оба знаем, что долго такая радость не продлится.

Не согласен, подумал Тристан. Богатство очень даже долго радует, особенно когда живешь за счет толстосумов.

– Вы меня не знаете, – сказал он. – Имя – это лишь малая часть меня, да и то не самая главная.

– Таких, как ты, на самом деле меньше, чем принято полагать, – возразил мужчина. – Твой отец, может, и считает твои дары мусором, но мне-то лучше видно. Иллюзионистом может быть любой. Головорезом может быть любой. Любой может быть Эдрианом Кейном. – Он плотно сжал губы. – А вот того, что есть у тебя, нет больше ни у кого.

– Это чем же я таким обладаю? – сухо полюбопытствовал Тристан. – Только не говорите, что потенциалом.

– Потенциалом? Едва ли. Для работы здесь – точно. – Мужчина жестом руки обвел роскошный офис. – Клетка милая, но это все равно клетка.

– Кто вы такой? – Этот вопрос следовало задать еще раньше, но Тристан несколько часов подряд работал не разгибая спины под гнетом капитализма. Вот острота ума и притупилась. – Если вы не друг моего отца и не друг Джеймса Уэссекса, а я уверен, что вы пришли не новейший медитский софт втюхивать, – проворчал он, заранее отметая слабое предложение, и незнакомец дернул уголками губ в знак согласия, – не пойму, зачем вы вообще явились.

– Неужели так трудно поверить, что я пришел за тобой, Тристан? – спросил мужчина, и в его голосе послышались смутные нотки насмешки. – Я, знаешь ли, был когда-то на твоём месте.

Тристан откинулся на спинку кресла и обвел рукой офис.

– Сомневаюсь.

– Верно, мне не предстояло через постель войти в богатейшую медитскую семью Лондона, тут я отдаю тебе должное, – посмеиваясь, ответил незнакомец. – Но некогда и я был решительно настроен встать на кое-какой путь. Тот, который казался мне единственным способом достичь успеха, пока однажды кое-кто не сделал мне иное предложение.

Он положил на стол Тристану визитку. На ней было написано просто «Атлас Блэйкли, Хранитель», и она слегка мерцала от наложенной на нее иллюзии.

Тристан хмуро присмотрелся к карточке, распознав чары переноса.

– Куда она приведет? – нейтральным тоном спросил он, и мужчина, Атлас Блэйкли улыбнулся.

– Так ты видишь чары?

– Учитывая обстоятельства, разумно было бы предположить, что карточка зачарована. – Тристан недоверчиво потер лоб. В ящике стола у него громко завибрировал телефон. Должно быть, Иден потеряла его. – Я не дурак, чтобы брать в руки нечто подобное. Меня кое-где ждут, и что бы это ни было...

– Ты видишь иллюзии насквозь, – сказал Атлас, заставив Тристана напрячься от нехорошего предчувствия. Такое о нем было известно не всякому. Не то чтобы Тристан как-то оберегал свою тайну, просто такой талант лучше всего работает, когда другие о нем не знают. – Ты видишь ценность и, что еще лучше, подлог. Тебе ведома истина, вот что делает тебя особенным, Тристан. Можешь до конца жизни гнуть спину и расширять бизнес Джеймса Уэссекса, а можешь быть тем, кто ты есть. Самим собой. – Атлас смерил его твердым взглядом. – Как думаешь, долго ты сможешь скрывать от Джеймса свое истинное происхождение? Акцент – милый штрих, но я за ним угадываю нотки ист-эндского говора. Наследие колдуна из рабочего класса, – мягко намекнул Атлас, – которое тебе не вытравить, простой работяга.

Тристан сжал кулаки под столом и оцетинился.

– Это что, шантаж?

– Нет, – ответил Атлас. – Предложение.

– У меня и так полно возможностей.

– Ты заслуживаешь лучшего, – возразил Атлас. – Большее, чем Джеймс Уэссекс. Определенно больше Иден Уэссекс и намного, намного больше Эдриана Кейна.

Телефон снова завибрировал. Наверное, Иден отправляла Тристану фото своих буферов. Четыре года встречаются, а она все демонстрирует плоды усиливающего заклинания, которое он, вообще-то, видел насквозь. С другой стороны, она ведь не ради него эти снимки делает. Иден нужен был мужчина, который вызывал бы трепет у аудитории таблоидов, который опорочил бы ее имя. А Тристану нужен был социальный капитал того самого имени, которое она сейчас позорила. Поэтому они прекрасно подходили друг другу.

– Вы понятия не имеете, о чем говорите, – сказал Тристан.

– Разве? – спросил Атлас, указав на визитку. – У тебя есть пара часов на то, чтобы принять решение.

– Какое решение? – грубо спросил Тристан, тогда как Атлас уже встал, пожимая плечами.

– Буду рад ответить на твои вопросы, – сказал он, – только не здесь. И не сейчас. Если ты и впредь намерен жить такой жизнью, Тристан, то и смысла дальше нам с тобой говорить нет, ведь так? Однако тебе доступно гораздо больше, чем ты считаешь, надо лишь взять это. – Он искоса взглянул на Тристана. – Гораздо больше, чем то, откуда ты пришел, и, уж конечно, чем то, где ты оказался.

Ему легко говорить, подумал Тристан. Кем бы ни был этот Атлас Блэйкли, рос он точно не в семье поганого тирана, который самым большим разочарованием в жизни считал единственного сына. Это не он положил глаз на Иден Уэссекс пять лет назад на вечеринке, где подрабатывал барменом, решив, что она – лучший, самый легкий и вообще единственный способ чего-то добиться.

Хотя в чем-то Атлас Блэйкли прав. Возможно, где-то и существовал такой мир, в котором лучший друг в офисе не верит, будто может безнаказанно трахать невесту Тристана, не зная, что дешевое противозачаточное заклинание оставляет у него в паху заметный след.

Да и офис-то восхитительно посредственный.

– Что это? – спросил Тристан. – Эта ваша... – Слово как бы съезжилось на языке. – Возможность.

– Такая дается раз в жизни, – сказал Атлас, еще больше запутав его. – Ты сам поймешь это, когда все увидишь.

Поймет, это точно. Тристан Кейн мог разглядеть почти что угодно.

– Меня ждут, – сказал он.

У него впереди была жизнь. Состояние.

Атлас кивнул.

– Выбирай с умом, – посоветовал он и, покинув кабинет, словно лучик солнца, исчезающий за серыми лондонскими облаками, прикрыл за собой дверь.

Каллум

Два часа назад

Каллум Нова давно привык получать желаемое. Благодаря своей магической специальности он, не напрягаясь, учился на отлично; главное – держать ее в тайне, что он, в общем-то, и делал.

Его дар походил на своеобразный гипноз. Некоторые бывшие Каллума, оглядываясь, вспоминали нечто вроде прихода, как от наркотиков, с глюками. И если они не держали ухо остро, Каллум мог уболтать их на что угодно. Это здорово упрощало ему жизнь. Порой даже слишком.

Впрочем, это не значило, что Каллум не любил вызовы.

Когда он шесть лет назад окончил университет и вернулся домой из Афин, в его жизни почти ничего не происходило, и это не очень-то радовало. Разумеется, он работал на семейном предприятии, как поступало большинство выпускников-медитов. Основным направлением деятельности семьи Нова, контролировавшей магические информационные средства, была красота, великолепие, а еще иллюзии всех мастей, и самая большая из них – Каллум. Он торговал тщеславием и поднатерел в этом. Даже очень.

Однако убеждать людей в том, во что они и так верят, казалось ему скучным. Каллум обладал очень редкой специальностью, манипулистикой, и еще более редким талантом, намного превосходившим возможности любого среднего колдуна. К тому же он был умен и поэтому желаемого от людей не добивался, а получал все на блюдечке. Вот по чему он вечно искал развлечения; незнакомцу, который появился на пороге, убеждать Каллума почти не пришлось.

– Хранитель, – вслух прочитал Каллум, пристально изучая визитку и закинув ноги на стол. На работу он опоздал на четыре часа, но ни управляющий партнер (сестра), ни владелец бизнеса (отец) о пропущенном совещании ничего не сказали. Он все наверстает во второй половине дня, присев на две минуты (управится-то он и за полторы, просто сперва допьет эспрессо) потолковать с заказчиком полного портфеля высококлассных иллюзий для лондонской Недели моды. – Надеюсь, вы храните нечто интересное, Атлас Блэйкли.

– Так и есть, – сказал тот, поднимаясь на ноги. – Полагаю, мне стоит вас ожидать?

– Полагать опасно, – ответил Каллум, проверяя границы интересов Атласа. Размытые и твердые, они так просто внутрь не пускали. Кем бы этот Атлас Блэйкли ни был, его предупредили об особенных навыках Каллума, а значит, он глубоко копнул, просто чтобы добраться до их истинной природы. По мнению Каллума, любому, кто по собственному желанию делает грязную работу, стоило уделить несколько минут своего внимания. – Кто участвует?

– Еще пятеро.

Хорошее число, подумал Каллум. Вполне эксклюзивно, но статистически один из этих пятерых еще мог ему понравиться.

– Кто самый интересный?

– Это все субъективно, – ответил Атлас.

– Значит, я?

Атлас невесело улыбнулся.

– Вы не безынтересны, мистер Нова, хотя, подозреваю, впервые окажетесь в одной комнате с группой столь же редких индивидуумов, как и вы сами.

– Интригует, – сказал Каллум, убирая ноги со стола и подаваясь вперед. – Но мне хотелось бы узнать о них побольше.

Атлас выгнул бровь.

– Не о самой возможности, мистер Нова?

– Захочу – и она будет моя, – пожал плечами Каллум. – Я могу подождать и решить позже. Игроки всегда интереснее самой игры, знаете ли. Точнее, игра приобретает иной окрас в зависимости от участников, – поправился он.

Атлас улыбнулся одними уголками рта.

– Нико де Варона, – сказал он.

– Ни разу не слышал. Что умеет?

– Он физик. Способен подчинять себе физические силы, равно как вы – чужие намерения.

– Скукота. – Каллум откинулся на спинку кресла. – Но думаю, попытку ему дать можно. Кто еще?

– Либби Роудс, тоже физик. Не видел, чтобы кто-то еще так воздействовал на окружающую среду. Равно как Рэйна Мори, натуралист, воздействует на землю, которая лично предлагает ей свои плоды.

– Натуралистов – как грязи, – ответил Каллум, хотя и признал про себя, что ему стало любопытно. – Кто еще?

– Тристан Кейн. Видит иллюзии насквозь.

Редкий дар. Очень редкий, хоть и не особенно полезный.

– И?

– Париса Камали. – Это имя Атлас произнес нерешительно. – О ее специальности я бы предпочел умолчать.

– Вот как? – Каллум заломил бровь. – А про меня вы им рассказали?

– О вас и не спрашивали.

Каллум прочистил горло.

– У вас привычка составлять психопрофиль всякого встречного? – равнодушно спросил он, но Атлас не ответил. – С другой стороны, если человек не замечает, как на него воздействуют, то и возмущаться не станет, так?

– Думаю, мы с вами в некоторых смыслах противоположны, мистер Нова, – сказал Атлас. – Я знаю, что хотят слышать люди, а вы заставляете их хотеть слушать то, что знаете вы.

– Может, я от природы такой интересный? – беспечно предположил Каллум, и Атлас басовито рассмеялся.

– Знаете, для человека, который так четко знает себе цену, вы, похоже, забываете, что под слоем природного таланта в вас живет большая скука, – сказал Атлас, и Каллум встревоженно моргнул. – Это еще не значит, что есть свободное место, но...

– Свободное место? – вскинулся Каллум. – Занятный у вас метод вербовки.

– Не свободное место, – повторил Атлас, – но кое-что определенно незавершенное. – Он встал. – Спасибо огромное за уделенное мне время, мистер Нова, – сказал он, – ведь пока мы с вами тут беседовали, вы наверняка могли повернуть уйму дел. Как думаете, сколько времени вам потребовалось бы на то, чтобы развязать войну? Или же завершить? – Он помолчал, но Каллум не ответил. – Пять минут? Или, быть может, десять? Быстро ли вы сможете кого-нибудь убить? Спасти жизнь? Я восхищаюсь тем, чего вы не сделали, – признал Атлас, склонив голову и выжидающе глядя на него, – и мне очень интересно, почему вы этого не сделали.

– Вмешиваться в дела мира – так и с ума сойти недолго, – раздраженно сказал Каллум. – Для того чтобы быть мной, требуется определенный уровень сдержанности.

– Сдержанности, – повторил Атлас, – или отсутствия воображения?

Каллуму хватило самообладания, чтобы не вытаращиться на него.

– Лучше бы это стоило моего времени.

Он не сказал: четыре минуты и тридцать пять секунд. Вот за сколько он управился бы.

Ему показалось, что Атлас Блэйкли, Хранитель, заманивает его куда-то, но сопротивляться этому не стоит.

– Я мог бы ответить то же самое, – сказал Атлас, учтиво кивнув на прощание.

Париса

Час назад

Она сидела в баре, в любимом черном платье, потягивая мартини. Она всегда приходила сюда одна. Какое-то время еще брала с собой подружек, но в конце концов пришла к выводу, что они создают много шума, действуют разрушительно и частенько ревнуют, чего Париса уже не терпела. Когда-то, еще в Парижском универе, у нее имелись одна или две подружки, да и в Тегеране она сблизилась с братом и сестрой, но с тех пор определилась: в одиночку работать куда эффективнее. Для нее это было логично. Люди, которые выстраиваются в очередь поглазеть на «Мону Лизу», обычно не знают названий соседних картин, и это совершенно нормально.

Определений тому, чем занималась Париса, нашлось бы множество, и большинство людей этого не одобрило бы. Само собой, она не придавала большого значения мнению окружающих. Она была умна и талантлива, но главное – если верить тем, кто когда-либо с ней встречался, – прекрасна. А то, что досталось тебе в результате случайного сочетания генов, а не упорного труда, ни идеализировать, ни порицать, по ее мнению, не стоило. Свою внешность она не презирала, но и не любила. Просто пользовалась ею, как любым другим инструментом вроде молотка или лопаты. К тому же о чужом неодобрении даже не думала. Те же дамочки, которые осудили бы Парису, млели при виде ее бриллиантов, туфель и груди – своих, не искусственных и даже не улучшенных иллюзией. Парису эти женщины могли называть как угодно, зато она хотя бы была настоящей. Живой, хоть и живущей за счет ложных обещаний.

В самом деле, нет никого опаснее женщины, которая точно знает себе цену.

Париса наблюдала за группой зрелых мужчин в углу: одетые в дорогие костюмы, они обсуждали какое-то дело. Некоторое время она прислушивалась к теме беседы. В конце концов, не все же сводится к сексу, порой инсайдерскую инфу раздобыть проще, а Париса, как человек умный, несла много угроз. Но разговор ей быстро наскучил, поскольку бизнес-идея была в корне несостоятельной. А вот сами мужчины показались ей любопытными. Один поигрывал обручальным кольцом и в мыслях ругался с женой. Скучно. Второй явно сох по первому, и это показалось Парисе интересным, хоть и не сулило пользы. Последний был привлекательным и, возможно, богатым (надо оценить его лучше), а на месте обручального кольца у него светлела полоска бледной кожи. Париса села поудобнее, изящно закинув ногу на ногу.

Мужчина, мельком заметив это движение, поднял взгляд.

Что ж, он определенно испытывал желание.

Париса отвернулась, поняв, что в ближайшее время мужчина не покинет собеседников. Она предпочла занять мысли кем-то иным. Может, той богатой женщиной в дальнем углу, которая того и гляди разревется? Нет, уж больно депрессивная. Оставался бармен, он определенно умело работал руками... которыми в мыслях уже водил по ее бедрам. Он довольно точно представлял себе ее формы, хотя сама она от этой связи ничего не выиграла бы. Ну, кончила бы, и что с того? Оргазм она и наедине с собой могла получить, не вдаваясь в ребячество и не трахая барменов. Если кто-то хотел войти в жизнь Парисы, ему предстояло платить деньгами, силой или магией. Ничего другого она не принимала.

Она подалась в сторону темнокожего мужчины в твидовом костюме, сидевшего у края стойки, и вслушалась в тишину у него в голове. Странное дело, она не заметила, как он вошел. Значит, это медит или хотя бы колдун. Занятно. Глядя, как он поигрывает визитной карточкой, постукивая ею о стойку, Париса прищурилась и прочитала: «Атлас Блэйкли, Хранитель». Хранитель чего?

Беда умных девушек: они от природы любопытны. Париса отвернулась от бизнесменов, решив заняться Атласом Блэйкли. Изменила позу, давая понять, что заинтересована им.

Настроилась на его разум и увидела там... шестерых. Нет, пятерых. Пятерых человек без лиц и одаренных феноменальной магией. Ах, он, значит, точно медит, и они, видимо, тоже. С одним из пятерых он чувствовал родство. Другой стал призом, который этот мужчина, Атлас, недавно завоевал и немного этим кичился. Еще двое шли парой; они ненавидели гоняться друг за другом, словно звезды на орбите, но, как ни печально, больше ничего не умели. Очередной стоял под вопросом, в нем ощущалась неопределенность, как на краю узкого карниза. Последний был... ответом, будто эхо, но почему, Париса разобрать не могла. Она попыталась разглядеть лица пятерки, но ничего не вышло; они то появлялись, то исчезали, маня ее.

Париса огляделась и немного прогулялась по его мыслям. Они напоминали экспонаты в музее, словно бы он специально для нее расставил их в том порядке, в каком ей стоило их просмотреть. Пять обрамленных туманных портретов, а потом – зеркало. Париса взглянула на саму себя и испуганно вздрогнула.

Мужчина у края стойки встал. Приблизился к Парисе, задержавшись, чтобы положить перед ней карточку, и ушел. Он не сказал и не объяснил ничего, но Париса уже знала, зачем он оставил ей визитку – ей хватило времени, проведенного у него в голове. И вот сейчас она осознала: это он сам ее впустил. «Через час, – сообщал мысленно Атлас, – карточка перенесет тебя кое-куда. В одно важное место». Кем бы ни был этот человек, место это играло для него главную роль. Тут все скрывал туман, и Париса решила, что сама все додумала, но инстинктивно поняла: это приглашение важнее мужчины, обсуждавшего дела. Он недавно носил костюм в ателье, перешивать, но заказал его не сам. Одежда вообще была не нова и принадлежала не ему. Вердикт: мужчина при всем желании не мог позволить себе костюм получше, хотя встреча того стоила.

Париса обреченно вздохнула и взяла со стойки визитку.

Час спустя она уже сидела в одной комнате с Атласом Блэйкли и пятеркой людей, туманные портреты которых видела у него в голове, хотя сами Атлас с Парисой при этом не обменялись ни словом, вежливым ли, грубым. Интерьер комнаты был предельно приятным: современный и минималистский, с длинным кожаным диваном и набором стульев с высокими спинками. Кроме Парисы присело только двое. Она следила за симпатичным мальчиком-латиносом – определенно, он все еще мальчик, да к тому же помешанный на девочке подле нее, – который нашел ее прекрасной, и мысленно улыбнулась, четко зная: она могла бы съесть его живьем, а он даже не рыпнулся бы. Денек-другой с ним, наверное, можно позабавиться, однако эта встреча, что бы они ни сулила, была куда интереснее. Внезапно комната и все в ней показалось Парисе гораздо более важным.

Африканер-блондин показался ей интересным. Возможно, чересчур симпатичным. Волосы у него были чересчур золотистые, одежда – чересчур красиво пошита по мерке, лицо – чересчур поразительное. Он глазел на темнокожего британца, Тристана, с невероятной заинтересованностью, а возможно, даже с некоторым голодом. Славно, удовлетворенно подумала Париса. Мужчины вроде него ей не нравились. Такие выкрикивают свое имя, орут о размере своего члена, говорят слова в духе: «О да, детка, как это у тебя получается, у меня еще ни с кем такого не было», в общем, доставляют хлопоты. И ни к чему стоящему отношения с ними не приводит. Богатые люди вроде него кошелеков из рук не выпускают, и опыт показывал, что добра от них ждать не стоит.

К тому же все шестеро были равными. Блондин ничего не мог ей предложить, кроме верности, но от таких, как он, легко ее не добиться. Он привык получать свое, и из его мыслей Париса поняла, что хотя бы к этому он прилагал какие-то усилия. Однако Париса Камали никогда ничьей власти не признавала и признавать не собиралась.

От парнишки-латиноса, видимо, тоже ничего получить не удалось бы. Он явно был богат и явно не урод («Николас», – довольная, подумала Париса, вертя в голове его имя; она словно нашептывала его, уткнувшись мальчику в смуглую шею, на дюйм ниже мочки уха), однако

легкие победы ему надоели. Такие не во вкусе Парисы. Девуцу, на которой он заиклился – большие наивные глаза, детская челка, – Париса сразу списала со счетов, хотя она и прежде встречалась с девушками и не брезговала ими. Большую часть прошлого месяца она, по сути, провела с богатенькой смертной наследницей, которая и купила ей этот наряд, эти сапожки, эту сумочку. Если заглянуть людям в самое нутро – Париса любила так делать, – то все они одинаковые. Именно этим Париса и занималась: высматривала то, что не предназначено для чужих глаз. Вот только в этом конкретном случае девушка ей попалась совершенно безнадежная. Она встречалась с парнем, который ей, похоже, правда нравился. А еще у нее были добрые намерения, что удручало больше всего. Девушка, Либби, казалась такой правильной, что пользы не сулила никакой. Париса быстро перешла от нее к следующему кандидату.

Рэйна, натуралист с кольцом в носу и короткими, безыскусно, будто по линейке остриженными волосами, похожими на жидкую смолу. Вот ее точно стоило бояться больше остальных. Она излучала исходную силу, а с обладателями таковой, как подсказывал опыт, связаться себе дороже. Париса поместила Рэйну в мысленный ящик с ярлычком «Не беспокоить» и решила пока с ней не пересекаться.

Был еще Тристан, англичанин, понравившийся Парисе с первых же мгновений, как она скрытно проникла в его мысли. Он напоминал человека, у которого выдалось голодное детство – физически и эмоционально. Париса просмотрела детали: ожог на внешней стороне запястья, тонкий шрам на левом виске, неровно сросшийся перелом на пальце, белый рубец на средней костяшке кулака. Кто бы ни задирали Тристана, он всех перерос. В голове у него нарывом зрел гнев, отдающий глухим стуком, как ритм племенного барабана. Тристан явно не понимал, зачем он здесь, но оказавшись тут, намеревался наказать собравшихся и себя с ними. Парисе это нравилось. Она находила это интересным или хотя бы знакомым. Тристан сидел поближе к двери и, совсем как она, подмечал все, что было в комнате не так: иллюзии, при помощи которых остальные скрывали какие-то свои недостатки – от корректора поверх вылезшего на почве стресса прыщика на лбу у Либби до ложных золотистых кончиков Каллумовых волос. Париса мельком подумала, не отмести ли его сразу.

Он был не впечатлен.

Впрочем, при желании Париса заставила бы его изменить свое мнение. Вот только зачем это ей? Какой смысл гоняться за кем-то, на кого невозможно воздействовать? Похоже, выгоднее всего будет закрутить с самим Хранителем, Атласом. Вряд ли ему сильно за сорок, а значит, задача вполне выполнима. Париса уже прикидывала, сколько потребуется времени, чтобы добиться расположения Атласа, когда позади них открылась дверь и все обернулись.

– А, Далтон, – произнес Атлас, и стройный юноша с изящными угловатыми чертами лица кивнул в ответ. Он был на пару лет старше самой Парисы и носил чистенькую, накрахмаленную белую рубашку в тонкую, как пробор в его волосах цвета воронова крыла, полоску.

– Атлас, – низким голосом произнес Далтон и взглянул на Парису.

«Да, – подумала она. – Да, это будешь ты».

Далтон нашел ее прекрасной. Ну и что, так думали все. Он нерешительно отвел взгляд от ее груди. Париса улыбнулась в ответ, отчего мысли Далтона пустились в галоп... и пропали. Он некоторое время молчал, но тут Атлас прочистил горло.

– Знакомьтесь, это Далтон Эллери.

Далтон коротко кивнул и, натянуто улыбнувшись, посмотрел на остальных за спиной у Парисы.

– Добро пожаловать, – сказал он. – Поздравляю с обретением доступа в Александрийское общество. – Говорил Далтон плавно и елеино, но выглядел как им-то зажатый; его широкие плечи – которые он наверняка долго и упорно накачивал и для которых рубашки приходилось шить по мерке – словно что-то сковывало. Гладко выбритый и ухоженный, он походил

на педантичного чистюлю, и Парисе уже не терпелось обласкать губами его изящную шею. – Уверен, вы успели оценить, какая это честь оказаться тут.

– Далтон у нас занимается исследованиями, и еще он член последнего класса посвященных, – пояснил Атлас. – Он будет направлять вас в процессе и поможет переходу в новую жизнь.

Кое-куда Париса могла бы перейти и вовсе без помощи. Она скользнула в подсознание Далтона и осмотрелась там. Станет ли он бегать за ней? Или захочет, чтобы она проявила инициативу? Он что-то заблокировал от нее, ото всех, и Париса удивленно нахмурилась. Защита от телепатии – не то чтобы невидаль, но даже от медита внушительного таланта требует больших усилий. Может, в комнате был еще кто-то, способный прочесть мысли Далтона?

На лице Атласа промелькнула улыбка. Он выгнул бровь, и Париса моргнула.

«О-о-о», – мысленно протянула она, и улыбка Атласа стала шире.

«Возможно, сейчас ты понимаешь, каково это для других людей, – ответил Атлас и осторожно добавил: – Я бы советовал держаться от Далтона подальше, а ему посоветую не приближаться к тебе».

«Он что, слушается ваших распоряжений?» – спросила Париса.

Улыбка Атласа даже не дрогнула.

«Да, и тебе тоже следует».

«А остальные?»

«Я не могу помешать тому, что вы будете делать весь следующий год, но все же есть определенные границы, мисс Камали».

Она улыбнулась, соглашаясь и очищая разум. Защита, нападение... Навыками она не уступала, и в ответ Атлас кивнул.

– Ну что ж, – сказал он. – Обсудим же детали вашего посвящения?

Часть II. Истина

Нико

Нико дергался. Дергался он вообще очень часто. Будучи человеком, которому постоянно требовалось движение, он просто не мог усидеть на месте. Обычно никто не возражал, потому что все ждали от него улыбок, смеха, что он оживит своим появлением обстановку, однако суета стоила уймы энергии, без толку сжигая калории. А еще магия Нико проявляла себя, стоило ему зазеваться: одним своим присутствием он невольно менял ландшафт, порой сметая с пути препятствия.

Земля задрожала, и Либби стрельнула в Нико предостерегающим взглядом. Посмотрела с упреком и слишком уж встревоженно своими переливчатыми серыми глазами из-под жуткой задротской челки.

– Что с тобой такое? – пробормотала она, когда их отпустили, с впечатляющим отсутствием такта указывая на то, что сочла, наверное, безответственным сотрясением.

После встречи кандидатов провели выложенными мрамором коридорами здания, куда их перенесло заклинание Атласа Блэйкли, до порталов общественного транспорта – а не переправили напрямую, как в самом начале. Либби безжалостно следила за Нико с того самого момента, когда они покинули лифт и оказались в служебном подземелье магической системы путешествий Нью-Йорка: подобно линиям метро, она ветвилась и несла пассажиров к столь же непримечательным терминалам. Ее коридоры напоминали здание суда. Или банк, или еще какое место, в котором деньги переходили из рук в руки.

«Как же это чудесно, – кисло думал Нико, – что Либби неизменно укажет на вызванные моим волнением толчки». Никто другой попросту не заметил бы такого крохотного изменения в окружающей среде, но дорогая Элизабет всегда рядом, всегда одернет. Нико словно носил уродливый шрам, который не спрячешь, пусть даже видела его исключительно Либби. Нико еще, правда, не определился, отчего она с таким наслаждением напоминает ему о его недостатках: то ли она такая несносная личность, то ли обладает, как это ни страшно, схожими способностями. Или же им просто так долго пришлось терпеть друг друга. Возможно, всему виной некое волшебное сочетание и того, и другого, и третьего, а это уже снижало ее вину во взаимной антипатии до тридцати трех процентов.

– Да просто решение непростое, вот и все, – сказал Нико, хотя дело было не в этом. Он ведь уже определился.

Им дали сутки на раздумья: принимать или нет предложение побороться за место в Александрийском обществе. Определиться они, по мнению Атласа, явно должны были индивидуально, в комфорте своих личных жизней. К несчастью, Нико жил на Манхэттене в нескольких кварталах от Либби Роудс, и это значило, что им понадобится одна и та же транзитная точка; до прибытия в пропускной пункт при вокзале Гранд-Централ (рядом с устричным баром) оставались считанные мгновения.

Нико глянул на Либби, решив спросить практически невинным тоном:

– Что думаешь?

Она посмотрела на него искоса, а после опустила взгляд на большой палец, которым Нико нервно постукивал себя по бедру.

– Думаю, стипендия НУМИ должна была достаться мне, – пробормотала Либби, а Нико, которого от природы никогда не покидало жизнелюбие, изобразил бойкую улыбку от уха до уха.

– Я так и знал, – победно произнес он. – Знал, что ты ее хочешь. Ты просто трепло, Роудс.

– Боже. – Она закатила глаза, снова поправляя челку. – И чего я так переживаю?

– Просто ответь на вопрос.

– Нет. – Либби обратила на него злобный взгляд. – Мы же вроде договорились больше не разговаривать после выпуска?

– Ну, видимо, не бывать этому.

Нико снова забарабанил по бедру большим пальцем именно в тот момент, когда Либби пробормотала себе под нос: «Люблю эту песню». Так с ними постоянно случалось: Нико сперва ощутил ритм, а Либби раньше угадала мелодию.

Нико не смог бы сказать, повелось ли так с самого начала или же эта «традиция» выработалась, пока они вынужденно оставались вместе. Если бы не Либби, он пропустил бы многое, да и она без него, наверное, тоже. Уникальное проклятие и огорчение, как ни глянь: Нико был не готов к жизни без Либби. Утешало только то, что и она, возможно, чувствовала то же самое – когда заставляла себя это признать.

– Гидеон, наверное, передает привет, – сказал Нико, как бы в знак утешения.

– Знаю, – ответила Либби. – Мы виделись утром.

Нико помолчал, а потом произнес:

– Они с Максом любят меня, знаешь ведь, пусть даже ты – нет.

– Да, я знаю. И по праву ненавижу это.

По лестнице они покинули здание вокзала и оказались на тротуаре, откуда уже могли свободно перенестись домой магическими средствами. Разговор-то окончился.

Или, пожалуй, нет.

– Остальные кандидаты старше нас, – вслух заметила Либби. – Ты знаешь, что все они уже имеют опыт работы? Они такие... умудренные.

– Видимость еще ни о чем не говорит, – сказал Нико. – Хотя у девчонки по имени Париса видок прямо жгучий.

– Боже, не будь свиньей. – Либби улыбнулась уголком губ, что в ее исполнении почти всегда означало усмешку. – У тебя с ней вообще никаких шансов.

– Как скажешь, Роудс.

Нико провел рукой по волосам и указал в конец квартала.

– Сюда?

– Ага.

В бесконечной войне за превосходство порой требовалась разрядка. Они выждали положенные полсекунды, убедиться, что перекресток не пересекают такси, и только потом двинулись через улицу.

– Ты ведь примешь предложение, да? – спросила Либби. Накручивая каштановую прядку на палец и задумчиво прикусив губу, она разом продемонстрировала все свои симптомы волнения.

– Да, наверное. – Скорее уж наверняка. – А ты?

– Ну, я... – Она помедлила. – То есть да, конечно, я же не дура. Не могу же я от такого отказаться, это ведь даже лучше стипендии НУМИ. Только... – Она замолчала. – Меня это как бы немного пугает.

Ложь. Она и так знала, что хороша, просто отыгрывала социальную роль скромницы, понимая: Нико ее на себя взять не соизволит.

– Тебе надо поработать над самооценкой, Роудс. Самоуничтожение как привлекательная черта характера вышла из моды лет пять назад как минимум.

– Ну ты и козел, Варона. – Вот Либби уже вгрызлась в ноготь. Дурацкая привычка, хотя накручивание локона на палец ему нравилось еще меньше. – Ненавижу тебя.

Разговор застыл, как если бы кто-то из них замялся, экая, или впал в задумчивое молчание.

– Да-да, понял тебя. Так ты согласишься?

Она наконец оставила это ненужное притворство и закатила гл аза.

– Ну конечно. Если только Эзра не против.

– Боже мой, ты же это не серьезно?

Либби иногда делала такое лицо, что у Нико внутри все сжималось. Вот и сейчас она посмотрела так же, как в тот самый день, когда, не моргнув глазом, подошла к нему.

Делай она так чаще, и нравилась бы ему больше.

– Мы с Эзрой живем вместе, Варона, и только что сняли новую квартиру, – напомнила Либби, как будто Нико мог в принципе забыть о ее абсурдной привязанности к Эзре Фаулеру, их бывшему студенческому советнику и просто зануде. – Надо предупредить его, если я и правда собираюсь пропадать в Александрии целый год, а то и дольше. Если меня, конечно, посвятят, – сказала она, явно подразумевая, что ее точно примут.

Они посмотрели друг на друга, понимая все без слов.

– Ты ведь и сам поговоришь с Максом и Гидеоном, да? – спросила Либби, выгибая бровь, которая скрылась под челкой.

– О съеме квартиры? Расходы на переезд нам покроют, – отмахнулся он.

Либби взглянула на него искоса.

– Вы, ребята, с самого первого курса дольше чем на час не расставались.

– Говоришь так, будто нас хирурги сшили. У каждого из нас своя жизнь, – напомнил Нико, когда они с Либби по диагонали пересекали Шестую авеню, постепенно забирая на юг.

Либби, к раздражению Нико, так и не опустила бровь.

– Правда есть, – резко произнес Нико, а Либби с сомнением улыбнулась. – И потом, они ничего не затевают. Макс богат и независим, а Гидеон... – Он не договорил. – Ну, про Гидеона ты сама знаешь.

Тут Либби уступила:

– Ну да. Ладно, э-э...

Оставшиеся четверть мили, пока они шли в молчании, она теребила волосы, а Нико не первый раз пришло в голову, что пора бы ему принимать ставки на то, каким образом Либби Роудс в следующий раз выдаст тревогу.

– До завтра, – сказал он, останавливаясь у ее квартала. – Так ведь?

– Гм? Да. – Она о чем-то задумалась. – Да, точно, и...

– Роудс, – со вздохом произнес Нико, и она подняла на него хмурый взгляд. – Слушай, ты главное... сама знаешь. Не реагируй на это так, в своем духе.

– Не в этом дело, Варона, – проворчала Либби.

– Именно в этом. Не съезжай с темы в своем духе.

– Какого...

– Ты заешь, – перебил он. – Не надо постоянно волноваться или еще что. Достало.

Либби упрямо выпятила челюсть.

– Так я теперь тебя утомляю?

Она правда утомляла Нико, но почему сама еще не поняла этого, оставалось тайной из тайн.

– Ты хороша, Роудс, – напомнил он, пока она опять не накинулась на него. – Ты хороша, ясно? Просто уясни, что я не стал бы донимать тебя в ином случае.

– Будто меня волнует твое мнение, Варона.

– Тебе вообще любое мнение волнует, Роудс. Особенно мое.

– О, особенно твое? Правда, что ли?

– Да. – Ведь ясно же. – Какой смысл отрицать это?

Вот теперь Либби завелась, но злая Либби хотя бы была лучше слабой и неуверенной.

– Ладно, проехали, – пробормотала она. – Просто... до встречи. Да завтра, наверное.

Она развернулась и пошла дальше, вглубь квартала.

– Передай Эзре, что я говорю «супер»! – крикнул вдогонку Нико.

Либби, не оборачиваясь, показала ему средний палец.

Значит, все хорошо, ну, или хотя бы как обычно.

Нико заставил себя пройти несколько кварталов своим ходом, а потом взмахом руки перенесся наверх, миновав бакалейную лавку, а заодно четыре этажа, наполненных дикой смесью разнообразных и не сочетающихся ароматов, и оказался на захлавленной лестничной площадке их дурно перепланированной двухкомнатной квартиры, в которой они последние три года жили по соседству с огромной доминиканской семьей и их неуправляемым чихуа-хуа. Нико пошаманил с защитой и без ключа ввалился в жилище, застав внутри обычных его обитателей: на диване (который выиграл в «камень-ножницы-бумага» у братьев-бенгальцев снизу) сидел не то чтобы блондин и не то чтобы смуглый обладатель миндалевидных глаз, мнимой бессонницы, пятидневной щетины и ужасной осанки, а рядом с ним дремал, растянувшись, черный лабрадор.

– Николас, – сказал Гидеон, с улыбкой поднимая на него взгляд. – *Cómo estás*¹?

– А, *bien, más o menos. ¿Ca va?*²

– *Oui, ça va*³, – ответил Гидеон, толкнув собаку. – Макс, подъем. – Помедлив немного, песель сполз с дивана, потянулся и недовольно посмотрел на людей из-под набрякших век. А потом в мгновение ока принял свою обычную форму, лениво почесывая ежик волос на голове и сердито глядя через плечо на Гидеона.

– Я так хорошо устроился, жопа ты с ручкой, – объявил человек, которого то называли Максимилиан Виридиан Вольф (и который в лучшие времена вел себя хотя бы не совсем как животное), то нет.

– В отличие от меня, – сказал Гидеон своим обычным ровным тоном, вставая и отбрасывая газету, которую читал. – Пойдем выйдем? Поужинаем?

– Не, я сготовлю, – сказал Нико. Готовить и правда умел только он, тогда как Макс почти не стремился осваивать практические навыки, а у Гидеона... были свои проблемы. Прямо сейчас Гидеон стоял без рубашки и потягивался, подняв руки над спорадически поблескивающими песочными прядями, и если бы не синяки под глазами, то выглядел бы он почти нормально.

Нормальным он, конечно же не был, но его обманчивая обычность казалась очаровательной.

Если не считать вечного разгильдяйства, Нико видел Гидеона в состояниях и похуже этого. Например, когда он спешно мотал от своей мамы-проходимки, Эйлиф. Она иногда выныривала из толчка в общественном туалете или первой попавшейся канавы, полной дождевой воды. Плюс он обходил стороной приемную семью, которые были, скорее, даже не семьей, а кучкой новошотландских упырей. Последние несколько недель дались Гидеону особенно тяжело, однако Нико почти не сомневался: это неизбежный результат окончания НУМИ. Четыре года Гидеон прожил почти нормальной жизнью, и вот теперь ему некуда податься, да еще проявилась тяжелая форма того, что менее осведомленный человек назвал бы хронической нарколепсией.

– Роба въеха? – предложил Нико, не сказав, о чем думает.

– Да. – Макс стукнул кулаком Гидеона в плечо и направился в ванную. После смены облика он остался полностью гол. Нико закатил глаза, а Макс подмигнул ему, даже не удосужившись прикрыться.

¹ Как ты? (*исп.*)

² Вроде неплохо. У тебя все хорошо? (*фр.*)

³ Да, хорошо (*фр.*).

– Либби мне написала, – заметил Гидеон. – Говорит, что ты вел себя как обычно, то есть как козел.

– И все, больше ничего? – спросил Нико, надеясь на это.

Куда там...

– Еще она сказала, что вам предложили какую-то таинственную работу.

– Таинственную? – Черт возьми.

– Да, и поэтому она не сказала, что это за работа такая.

Им всем велели помалкивать, но ты смотри же...

– Поверить не могу, что она взяла и все тебе растрепала, – проворчал Нико, снова испытывая отвращение. – Серьезно, как?

– Сообщение пришло прямо перед твоим приходом. И, между прочим, мне нравится, что Либби обо всем сообщает. – Гидеон почесал в затылке. – Кстати, вот если бы не она, то когда ты раскололся бы?

Вот же подлая мелкая дьяволица. Отомстила. Теперь Нико предстоит разговор по душам с дорогими ему людьми, а ведь он это ненавидит. И все – лишь бы напомнить о своем парне.

– Роба въеха долго готовить, – спохватился Нико, удаляясь в компактную кухню, которую так и не обновили (если не считать Максowych так называемых хаков или же легкой порчи собственности) после починки холодильника и где была крохотная стойка, благодаря чему этот закуток и назывался кухней. – Надо тушить.

– Плохой ответ, Нико! – крикнул ему в спину Гидеон, и Нико остановился, скорбно вздохнув.

– Я... – начал он и развернулся. – Мне... нельзя ничего рассказывать. Пока что.

Нико посмотрел на Гидеона с мольбой во взгляде, взывая к безоговорочному доверию, которое установилось между ними за четыре года, и вскоре тот пожал плечами.

– Лады, – уступил он, последовав за Нико к плите. – Но ты все равно должен нам кое-что рассказать. Ты в последнее время со мной какой-то бережный, это странно. – Гидеон помолчал. – Знаешь, тебе, наверное, в этот раз за мной идти не стоит.

– Почему нет? – резко выпрямился Нико, который в это время освобождал духовку (хотя Макс, строго говоря, не разрешалось хранить в ней лабораторку) и поэтому чуть не ударился головой о подвешенную над ней кухонную утварь.

– Да потому, что ты с ним нянчишься, – растягивая слоги, произнес Макс. Он вышел из своей комнаты и прихватил из холодильника пива, задев Нико плечом. Макс соизволил натянуть нелепую смесь из треников и кашемирового свитера, что хотя бы улучшило санитарную обстановку в квартире. – Ты кипишуешь, Ники, а кипеж никому не нравится.

– Вовсе нет, – начал было Нико, но под скептическим взглядом Гидеона вздохнул. – Ладно, кипишую. Но в свое оправдание скажу, что у меня это получается привлекательно.

– Когда это ты успел отрастить материнский инстинкт? – принохиваясь, спросил Макс, в то время как Нико принялся перебирать продукты.

– Может быть, на уроках, которые ты прогуливал? – предположил Гидеон и снова обратился к Нико: – Эй, – понизив голос, предупредил он его и ткнул в бок, – я серьезно. Если ты куда-то намылился, мне бы хотелось знать.

Ладно, значит, Гидеон переживал. Он и так почти ничего не знал о многих вещах, которые Нико натворил без его ведома. Охранные чары, окружавшие Гидеона, спрятать от него же оказалось сложнее, чем просто сплести их, а это уже впечатляющий плюсики во внушительную карму Нико, хотя похвалы он не ждал. Правда, никто не спешил признаваться, насколько опасна Эйлиф, мамаша Гидеона, вот и не было смысла обсуждать, какие бедствия принесет Общество, если Нико примет их предложение.

В общем и целом Нико нравилось думать, что некоторая недосказанность и есть залог их с Гидеоном крепкой дружбы. Образно говоря, такой у них язык любви.

– Ты моего отсутствия даже не заметишь, – глянув на него искоса, пообещал Нико.

– Почему? Ждешь, что я стану тебя навещать?

Тыльной стороной запястья Нико чуть подтолкнул Гидеона в сторону, чтобы не стоял на пути к холодильнику.

– Да, – сказал он, сделав вид, что не заметил облегчения на лице Гидеона. – Вообще-то ты мог бы меня навещать. Я бы прятал тебя, ну, в уютном шкафу. В чулан ставил.

– Нет уж, спасибо. – Гидеон присел на пол и привалился к тумбочке, зевнув. – У тебя есть еще... это?..

– Да. – Нико порылся в одном из ящиков и, достав оттуда флакон, кинул его Гидеону. Тот поймал зелье одной рукой. – Только не принимай, – погрозил он лопаточкой, – если не разрешишь мне навестить тебя ночью.

– Даже не знаю, что это: забота обо мне или жуткий страх, что нечто прикольное произойдет без тебя, – пробормотал Гидеон, опрокидывая в себя содержимое флакона. – Но вообще, да, со мной все хорошо.

– Эй, я тебе нужен. Эта штука не так-то просто достается.

Точнее, ее вообще было не достать, но и это Нико держал в тайне. Ему пришлось сделать много такого, о чем говорить не хотелось, лишь бы третьекурсница-алхимичка забылась и он мог стянуть у нее из головы нужную формулу. Правда, сперва пришлось разжиться способностями телепата – на это ушли чуть ли не все четыре года обучения в НУМИ, – а потом он истощил себя так, что даже Либби Роудс целых четыре дня думала – или делала вид, – будто он умирает. Нико еще ни для кого так не старался.

В дружбе с Гидеоном имелся один неудобный момент – постоянный риск потерять его. Люди вроде Гидеона (хотя какой он человек, если уж честно) по многим законам природы и существовать-то не должны. Просто у предков Гидеона – безответственной русалки и еще более безответственного сатира (если использовать общепринятые термины) – всегда был двадцатипроцентный шанс завести ребенка с идеальным человеческим обликом. Таковой Гидеону и достался, правда, родители плевать хотели, что их дитя, даже будучи внешне человеком, не может рассчитывать на регистрацию или что даже с медитскими талантами он не подпадает ни под один магический класс. Гидеону изначально отказали в социальных услугах, легальной работе, да и сам он, как ни печально, не умел превращать солому в золото. Он и образование-то получил чисто случайно, а заодно благодаря подделке уймы документов.

В принципе, все сводилось к одному: НУМИ не устоял перед искушением обучить субвидовое создание вроде Гидеона, но теперь, закончив учебу, тот снова стал ничем.

Просто человеком, умеющим проникать в сны, и лучшим другом Нико.

– Прости, – сказал Нико, и Гидеон поднял на него взгляд. – Я собирался рассказать тебе про новую стипендию, но...

Он чувствовал себя виноватым.

– Говорю же, – произнес Гидеон, – ты не обязан.

Либби Роудс, конечно, задирала Нико, мол, они с Гидеоном срослись, как сиамские близнецы, – Нико неустанно пекся о друге, помогая тому выжить. Сознательно Либби этого не понимала, хотя, среди многих других, и видела, что Гидеон не тот, кем кажется. Она и не догадывалась, как часто он оказывался на грани гибели: не в силах закрепиться телесно в этой реальности или отыскать обратную дорогу, тонул в неосязаемых пространствах мысли и подсознания. Не знала Либби и о врагах Гидеона, о том, что нет никого опасней людей и существ – включая Эйлиф, – знавших о его истинных возможностях и желавших ими воспользоваться.

Не знала Либби и того, как жестко она недооценивает Нико, хотя сам он никогда ее достоинств не умалял. Он отточил множество навыков, отличных от его собственных, и за каждый заплатил большую цену. Он наловчился менять форму и следовать за друзьями в царства снов (животные там чувствовали себя вольготней), но только усвоив, как манипулировать каждым

элементом собственной молекулярной структуры, да и то проделывал это раз в месяц, ведь отходняк потом затягивался на целый день. Нико научился варганить зелье, чтобы прочнее привязать физическую форму Гидеона к этой реальности, ценой невероятных усилий, после которых неделю отлеживался, охваченный пульсирующей болью.

Гидеон, не зная о вкладе Нико, считал, что друг слишком сильно для него старается, когда тот собственные титанические усилия считал смехотворными. Как такое вообще объяснить? Гидеон показался Нико загадкой, этаким бальзамом на мятежный разум, едва зародилась их дружба. Со временем Нико так и не сумел понять Гидеона, но по совершенно иным причинам. Он недоумевал, откуда в человеке (или кто там Гидеон на самом деле) столько спокойствия и рассудительности? Это было невыносимо и кошмарно, а самое главное – Нико тщетно гадал, как Гидеон, такой непростительно добрый, может дружить с ним, с тем, кто и в лучшие-то времена казался неисправимым гаденышем.

Просто голова кругом.

Так что Нико никак не отклонил бы предложение Общества. Сила? Она ему нужна. Некое, пока неизвестное снадобье, рецепт которого мог бы найтись в таинственных архивах? И оно пригодится. Деньги, престиж, связи? Пожалуй, ведь с ними и Гидеону будет жить легче и безопаснее. Подумаешь, каких-то два года разлуки.

– Прости, – еще раз извинился Нико. – Я не знал, как сказать про отъезд. То есть не знаю, – поправился он, – как сказать тебе, что мне надо уехать, но почему – говорить нельзя. Ты просто поверь, что твое ожидание окупится.

Терзаемый внутренней борьбой, Гидеон ненадолго нахмурил лоб. Потом покачал головой.

– Нико, я и не ждал, что ты ради меня забросишь собственную жизнь.

Да, не ждал, и лишь поэтому Нико именно так поступал. Ну, или думал, что у него просто нет выбора... до сегодняшнего дня.

– Послушай, ты стал проблемой для меня сразу, как мы подружились, – сказал Нико и тут же, осознав, что же он ляпнул, уточнил: – То есть не проблемой, а... просто чем-то.

Гидеон со вздохом поднялся на ноги.

– Нико...

– Народ, может, хватит шептаться? – прокричал с дивана Макс. – Мне вас отсюда не слышно.

Нико с Гидеоном переглянулись.

– Ты слышал его, – произнес Нико, решив, что продолжать спор бессмысленно.

Гидеон, который, видимо, пришел к тому же выводу, достал из выдвижного ящика для продуктов пучок морковки и оттолкнул Нико в сторону бедром.

– Натереть?

– Уже ведь трешь, – проворчал Нико, но, заметив тень улыбки на лице Гидеона, решил, что беседу можно пока отложить.

Тристан

С умением видеть вещи насквозь была одна проблема: это развивало определенную степень природного цинизма. Некоторым людям могли пообещать знания и власть без оговорок, но на Тристана такое не действовало.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал он, отстав от прочих кандидатов и подойдя к Хранителю, который аккуратно настаивал на его вербовке. Атлас оторвался от приглушенной беседы с человеком, совсем недавно втиравшим про Общество: Далтон как-то его там. Говоря, тот ощутимо воздействовал на слушателей магией, и отчасти поэтому Тристан не стал его слушать. Если он и бросит жизнь, которую так методично выстраивал, то уж точно не поддавшись на иллюзии или манипуляции. Он сделает выбор, основанный на железных фактах, и Атлас предоставит их, иначе он уйдет.

Вот так все просто.

Видимо, Атлас все это понял по его взгляду и кивнул, отпуская Далтона. Теперь, когда в комнате, заставленной бездушной кожаной мебелью и начисто лишенной индивидуальности или искусности, никого не осталось, она воспринималась иначе: пресная и зловеще двойственная, как пустота под маской.

– Спрашивай. – Атлас поманил к себе Тристана, и в этом жесте не было ни торопливости, ни раздражения.

Тристан поджал губы.

– Вы не хуже моего знаете, насколько мои способности редки, но бесполезны. Не думаете же вы, что я поверю, будто обладаю одной из шести ценнейших магических специальностей в мире?

Атлас прислонился к столу в центре комнаты и задумчиво присмотрелся к Тристану, стоявшему у двери.

– Так зачем же я тебя выбрал, – произнес Атлас, – если думал, что ты этого не заслужил?

– Это-то я и хотел узнать, – твердо произнес Тристан. – Если это как-то связано с моим отцом...

– Не связано, – ответил Атлас, жестом прогоняя заботы Тристана и делая ему знак следовать за ним в дверь, куда сам неожиданно вышел. – Ваш отец, мистер Кейн, колдун. Довольно искусный, – признал Атлас, оглянувшись на Тристана, который неохотно последовал за ним, – но все же рядовой.

Ну разумеется, Атлас хотел убедить его в этом. Не первый раз люди превозносили способности Тристана, лишь бы только проникнуть в банду его отца.

– Мой отец – глава магического преступного синдиката, – сказал Тристан, останавливаясь посреди коридора, – а если бы и не был им, то я...

– Готов поспорить, – перебил Атлас, – что ты даже не понимаешь, кто ты есть. – Он остановился у развилки, ожидая, пока Тристан, морщась, пойдет за ним дальше. – Какая у тебя была специализация? – спросил на ходу Атлас. – Я не о твоих способностях, – пояснил он. – Я спрашиваю о том, что сказано у тебя в дипломе медита из Лондонской школы магии.

Тристан с опаской присмотрелся к Атласу, копируя его апатичную походку.

– Я думал, вы и так все знаете о кандидатах.

– Знаю, – пожал плечами Атлас, – но я довольно занятой и важный человек, которому и так есть о чем думать, и предпочел бы, чтобы ты сам все рассказал.

Ну и отлично. Нет смысла затягивать.

– Я учился в колледже иллюзий.

– Но ты не иллюзионист, – заметил Атлас.

– Нет, – хмуро проговорил Тристан, – но раз уж я вижу иллюзии насквозь...

– Нет, – поправил Атлас, чем удивил его. – Ты способен на большее, чем просто видеть насквозь иллюзии.

У дверей лифтов Атлас неожиданно свернул в сторону и повел Тристана через простые стеклянные двери.

– Сюда, – сказал он, и хотя Тристан вовсе не горел желанием продолжать загадочную экскурсию, он все же позволил провести себя узким коридором в зал попросторней.

Это крыло здания было старше минимум на пару веков, а то и больше. Застекленный дверной проем, оттеняющий мрамор и старый камень, намекал на то, что помещение, в котором они побывали до этого, – лишь недавняя пристройка.

– Пришли, – сообщил Атлас, когда они миновали половину длинного, лишённого окон коридора, и остановился у картины на стене. – Что тут изображено?

Это был непримечательный портрет еще одного неприлично богатого человека, который стоял в одиночестве у гобелена. Тристан разочаровался. Насколько он понял, вся тактика Атласа сводилась к предсказуемой риторике, обычным инструментам сектантской вербовки: никаких ответов, одни вопросы; увливай и лести, нагоняй туману и скрытничай.

– У меня нет времени, – нетерпеливо заявил Тристан, – на эти игры. Уверю вас, меня обследовали все медиты Лондонской школы, они поставили диагноз, и мне известны пределы моих способностей...

– Ты с ходу, – перебил его Атлас, – понял, что это портрет любовника самого художника. – Он снова указал на полотно у себя за спиной. – Ты разглядел множество вещей, конечно же, – куда больше, чем смог заметить я, ненадолго заглянув в твои наблюдения, – но еще ты смотрел на этот непримечательный портрет нашего попечителя девятнадцатого века и интерпретировал детали, придя затем к выводам. Кроме тебя, никто бы столько не заметил.

Атлас указал на табличку на раме, где было написано просто: «Виконт Уэллс, 1816 г.»

– Ты убедился, что свет проникает не через обычное окно портретной мастерской, они в комнате, которую и художник, и натурщик находили уютной. Ты заметил, что изображение неформально и что знаки отличия поспешно добавили позже. Ты пришел к логичному заключению не о том, что тебе показали, а о том, что ты сам увидел. Ведь ты наблюдаешь составляющие части, – заметил Атлас, и Тристан, который вечно опасался подвоха, занял обычную оборонительную позицию недоверия. – В терминах смертных ты – гениальный эксперт. Также ты видишь магические компоненты, за что тебя и классифицировали как медита. Однако ты прав, наш интерес к тебе распространяется не только на магические способности, которые ты до этого момента демонстрировал открыто.

Атлас обратил на Тристана взгляд, полный невероятных и тревожащих ожиданий.

– Ты не просто редкий, – сказал как отрезал Атлас. – Ты даже не в силах вообразить пределов того, на что способен, Тристан. Просто никто так и не догадался, как с тобой быть, вот ты и не задумывался над этим. Ты когда-нибудь изучал пространство? Время? Мысль?

Тристан тут же нахмурился в недоумении, и Атлас продолжил:

– Вот именно. Ты обучался в группе иллюзионистов, собираясь наживаться на фокусах. Тристан ощетинился.

– Вот, значит, как вы обо мне думаете?

– Разумеется, нет, Тристан, иначе не стоял бы тут и не пытался убедить тебя в обратном. Тристан ненадолго задумался.

– Говорите так, будто игра подстроена в мою пользу, – заметил он, не ослабляя бдительности, и Атлас покачал головой.

– Все нет. Я-то знаю, как ты полезен, и теперь твоя очередь убедить в этом остальных. Надежды, которые ты подаешь, – ничто по сравнению с тем, кем ты в конце концов окажешься.

На этом месте Атлас изобразил короткую, небрежную улыбку, без слов давая Тристану понять, что хотел бы закончить разговор.

– Ничего обещать не могу, – сказал он. – И не буду, не хочу ввести тебя в заблуждение. Ничто из сказанного мною ничего тебе не гарантирует. В отличие от талантов твоих коллег-кандидатов, твоя сила остается практически не исследованной. Потенциал почти не раскрыт, и каким бы несравненным я его ни считал, именно тебе воплощать его в жизнь. Боюсь, мистер Кейн, что, если вы желаете получить награду, вам остается лишь вступить в игру.

Риска Тристан не чурался; все знали, что раньше он был не прочь попытать удачу в отчаянных предприятиях. Да и вообще, вся его нынешняя жизнь казалась азартной игрой, и, хотя все разворачивалось по плану, он и не думал, как его разочарует приз.

Тристан знал, что власть никто тебе не даст, ее надо брать самому. Заслуживаешь ты ее или нет – хватай, и все тут, потому что ни Атлас Блэйкли, никто другой ее на блюдечке не принесет.

Через несколько месяцев Тристан, благодаря своим достоинствам женившись на богатенькой наследнице, приберет к рукам империю крупного игрока на магическом рынке и распрощается с криминальным предприятием отца, а потом, как он уже подозревал, либо сиганет с моста, либо «случайно» отравит любимую комбучу Рупеша, которой тот чистит организм.

Значит, еще поиграем.

– Проводить тебя к лифту? – предложил Атлас.

– Нет, спасибо, – ответил Тристан, решив, что пора ему осваиваться в этом здании. – Сам дорогу найду.

Париса

Пройти путями Далтона Эллери оказалось не очень-то сложно.

Незримая часть здания была старше и обладала зачатками разума: окутавшие ее многослойные чары со временем развили базовую, первобытную способность мыслить. «Думал» дом вполне по-человечески, и поэтому Париса довольно просто отследила обычные маршруты Далтона Эллери вдоль хребта коридоров. Почти не напрягаясь, она изящно ступила на путь, которым он курсировал.

К ее облегчению, Далтон и при ближайшем рассмотрении оказался красавчиком, с благородными, высокими и выступающими скулами. Значит, на встречу с кандидатами он надел не личину. Маскирующие чары любого рода, когда применяешь их без нужды в моменты вроде этого, требовали слишком много усилий.

Впрочем, Париса ощутила, как сработал некий невидимый механизм, когда Далтон ее заметил; в пустом коридоре взвихрилась его защита.

– А вы не похожи на того, кто ищет власти, – первой заговорила Париса, решив вслух поразмышлять, кто такой этот Далтон Эллери. Суждение казалось банальным; у Далтона был вид человека прилежного, а еще серьезного. За гипермаскулинными фанфаронами политиками или бизнесменами такого не заметишь.

Ранее Париса куда смелее – и безрассуднее – предположила, что прямота может Далтона как испугать, так и ободрить. В любом случае ей удастся закрепиться в его мыслях, как если бы она ушла, не закрыв за собой дверь. Она вообще куда проще нашла бы обратную дорогу, если бы удалось разок побывать у него в голове.

– Мисс Камали, – произнес Далтон ровным тоном, когда удивление прошло. – Сомневаюсь, что я произвожу впечатление человека важного, учитывая малую значимость нашей встречи.

Хм, маловразумительно – и это еще мягко сказано. Он не испугался и не осмелел, просто говорил по существу.

Тогда она сделала еще заход:

– Вы имели в виду ее краткость? Я бы то, что сейчас было, незначительным не назвала.

– Вот как? – Он пожал плечами, склонив голову набок. – Что ж, возможно, вы правы.

Прошу простить...

Так не пойдет.

– Далтон, – позвала Париса, и он взглянул на нее с видом человека, сильно сдержанного и вежливого. – Несмотря на вашу информативную речь, у меня остались еще вопросы, и это логично.

– Вопросы касательно...

– Всего. Этого Общества, в частности.

– Что ж, мисс Камали, боюсь, помимо тех ответов, которые я уже дал, других у меня для вас нет.

Если бы Париса не знала, насколько мужчины слепы к проявлениям женского негодования, она бы скривилась. А так его безразличие ее несколько не трогало.

– Вы, – решила она зайти с другого угла, – когда-то сами выбрали Общество, так?

– Да, – подтвердил очевидное Далтон.

– Выбрали после встречи? Вас позвал Атлас Блэйкли, вы сидели в комнате с незнакомцами, прямо как мы... и просто согласились, не задавая вопросов?

Наконец она заметила проблеск нерешительности.

– Да. Ведь это, как вы понимаете, заманчивое предложение.

– Но вы решили задержаться и после посвящения.

Далтон дернул бровью. Еще один многообещающий знак.

– Вас это удивляет?

– Ну конечно, – сказала Париса, с облегчением видя, что он уже активнее принимает участие в беседе. – Нам ведь посулили власть, так? Возвращение в мир другими людьми, огромные ресурсы. Однако вы, имея такую возможность, решили остаться тут. – По сути, как священник. Некий посредник между богоподобными александрийцами и стадом избранных.

– Кто-то мне сказал, что я не похож на человека, ищущего власти, – припомнил Далтон.

Париса улыбнулась, уже нащупав втайне от него опору.

– Что ж, полагаю, у меня нет причин не принять приглашение, – ответила она, пожимая плечами. В конце концов, ее ничто не держало. – Разве что я не больно-то в восторге от командной работы.

– Вы меняете свое мнение, – заверил ее Далтон. – Специализации подбираются так, чтобы дополнять друг друга. Трое из вас специализируются на физике, тогда как остальные трое...

– Так значит, вам моя специализации известна?

Далтон мрачно улыбнулся.

– Да, мисс Камали.

– И вы мне не доверяете, я полагаю?

– Обычно я воздерживаюсь от доверия таким, как вы, – признался Далтон. И правильно, отметила про себя Париса.

– Значит, вы подозреваете, что я уже вас использую? – спросила она.

В ответ Далтон улыбнулся уголком рта, ясно давая понять: я не дурак, чтобы отвечать на такие вопросы.

– Что ж, – сказала Париса, – тогда мне, думаю, придется доказать вашу неправоту.

Он снова коротко кивнул.

– Всего вам наилучшего, мисс Камали, – сказал Далтон. – Я возлагаю на вас очень большие надежды.

Он уже развернулся, собираясь выйти в следующий коридор, но тут Париса ухватила его за руку. Огорошенный, он не помешал ей привстать на цыпочки и положить ему ладони на грудь.

Обычно в такие моменты мелькала короткая вспышка раздумий – и за мгновения до того, как все заканчивалось, совершалась самая трудная работа. Ее дыхание маняще касалось его губ; он сверху вниз заглядывал в ее большие темные глаза, постепенно проникаясь ее теплом. Сейчас он вдохнет ее парфюм и будет ловить его отголоски позднее, гадая, не она ли сейчас зашла за ближайший угол или побывала недавно в комнате. А его разум станет раздувать эти небольшие следочки до ощущения полноценного присутствия. Сама же близость моментально собьет его с толку, и в этот миг, не соображая и забыв защититься, он даст волю фантазии.

Поцелуй получился мимолетным и ни к чему не обязывающим. Париса лишь уловила запах туалетной воды и вкус губ Далтона. Она лишь хотела проверить: ответит ли он? Если честно, то отсутствие взаимности она посчитала бы хорошим знаком, ведь ни один мужчина, рьяно целующий женщину, не впустит ее в наиболее значимые уголки своего разума.

– Прости, – сказала Париса, стараясь сохранить хрупкое равновесие: отстраниться физически, вместе с тем дав понять, что испытывает влечение. Это был своеобразный танец, а те, кто считал иначе, просто не занимались хореографией достаточно долго и самозабвенно. – Боюсь, я потратила больше энергии, чем собиралась, – пробормотала она, – вот и не совладала с собой.

Магия была энергией, которую никто попусту не расходовал, Париса понимала, что Далтон сложит два и два.

– Мисс Камали. – Эти первые после поцелуя слова навсегда сохраняют для него ее вкус, и ему захочется повторять их снова и снова. – Похоже, вы не понимаете...

– О, уверена, так и есть, но, кажется, это непонимание мне нравится.

Она улыбнулась, глядя на него снизу вверх, и он медленно отстранился.

– Лучше, – сказал Далтон, – поберегите силы для того, чтобы убедить в своей ценности остальных. Я не могу напрямую повлиять на то, выберут ли вас для посвящения или нет.

– Я очень хороша в том, что делаю, а мнение остальных меня не занимает.

– А должно бы.

– У меня нет привычки делать то, что я должна.

– Заметно.

На этот раз Париса уловила в его взгляде то, чего и ждала.

Дверка открылась.

– Если бы я верил в то, что вы способны быть искренней, то посоветовал бы развернуться и бежать, – сказал он. – К несчастью, мне кажется, у вас достойный арсенал оружия для победы в этой игре.

– Так это все же игра. – С этим уже можно работать.

– Да, игра, – подтвердил Далтон. – Но, боюсь, вы просчитались. Я фигура бесполезная.

Как правило, Париса не просчитывалась, но Далтон пускай заблуждается, так уж и быть.

– Тогда я, возможно, просто позабавлюсь с тобой, – сказала она и первой сделала шаг на выход, поскольку не любила, когда ее покидают. – Транспортные порталы в той стороне? – спросила она, нарочно указывая неверное направление.

Момент легкого замешательства хватило Парисе, чтобы уловить в его голове проблеск чего-то, сильно подавленного.

– Вон там, – сказал Далтон. – Сразу за углом.

То, что томилось в его разуме, законченной мыслью не было. Оно больше напоминало поток плотских импульсов. Вожделения, например. Поцелуй распалил Далтона, однако было и еще кое-что, не вязавшееся с остальным. Обычно Париса без труда читала даже тех, кто владел сильным навыком телепатической защиты, но мысли Далтона замутняло нечто непознаваемое.

Похоть проявлялась как цвет, а вот страх – как ощущения: неловкость и холодный пот, но куда чаще – своеобразная сенсорная путаница, когда видишь солнце, а чувствуешь запах дыма или вкус желчи; касаясь шелка, слышишь звуки, возникающие из крошечной тьмы... Это было примерно то же, только страннее.

Далтон Эллери определенно чего-то боялся. Жаль, но не Парисы.

– Спасибо, – сказала она довольно искренне и покинула коридор, обнаружив, что в мраморном вестибюле у лифтов стоит еще один человек – неприветливый британец, чьими шрамами она втайне так восхищалась.

Он, подумала Париса, интересный. Было в нем то, что будто свилось кольцами, вскинулось, готовое ужалить. Но самое лучшее в змеях то, как слабо они реагируют, пока не заслонишь от них солнце.

К тому же (зовите это беспощадной вестернизацией) ей нравились британские акценты.

– Тристан, ведь так? – спросила Париса и подождала, пока он вынырнет из туманной трясины мыслей. – В Лондон направляешься?

– Да. – Он слушал вполуха, продолжая думать, хотя его мысли почти не читались. Они вроде и строились по прямой, словно карта Манхэттена, но при этом уходили в такие дали, что Парисе не хватало бы сил за ними последовать. – А ты?

– Тоже в Лондон, – сказала она, и он удивленно моргнул, обратив наконец на нее должное внимание.

Сейчас он вспоминал, что ее выпестовала Эколь Мажик де Пари и что родилась она в Тегеране. Эти основные сведения сообщил Атлас.

Хорошо. Значит, он слушал внимательно.

– А я думал...

– Ты все иллюзии насквозь видишь? – спросила Париса. – Или только плохие?

Мгновение Тристан колебался, а потом улыбнулся. Рот у него был злой или по крайней мере привыкший к гневным гримасам.

– Ты одна из этих, – сказал он.

– Если ты не занят, предлагаю выпить.

Он моментально исполнился подозрительности.

– С какой стати?

– Ну, мне смысла возвращаться в Париж нет. К тому же хочу найти развлечение на остаток вечера.

– И ты подумала, что я стану тебя развлекать?

Она позволила себе бегло скользнуть взглядом по его телу.

– Посмотрела бы, как ты станешь это делать. Да и потом, если мы хотим дать согласие, самое время подружиться.

– Подружиться? – Тристан мало не облизнулся.

– Мне нравится близко узнавать своих друзей, – заверила его Париса.

– Я помолвлен. – Правда, но это не существенно.

– Какая прелесть. Уверена, она милая девушка.

– Вообще-то нет.

– Так даже лучше, – сказала Париса. – Я тоже.

Тристан взглянул на нее искоса.

– Что тебя так задержало после встречи?

Париса прикинула, что именно можно ему сказать. Тристан, конечно, не Далтон Эллери, он – чистая забава. Далтон – больше профессиональный интерес, хоть и с легким оттенком подлинного влечения.

Далтон – шахматы; Тристан – спорт. Впрочем, что важно, оба – игра.

– Расскажу за завтраком, – предложила Париса.

Тристан шумно и обреченно вздохнул и обернулся к ней.

– Мне сперва надо кое-что сделать, – сказал он. – Порвать отношения с Иден, уволиться и дать по роже лучшему другу.

– Понимаю, ответственные дела, но они могут подождать и до завтра, – ответила Париса, входя в открытую дверь портала и маня его за собой. – Не забудь внести в расписание ту часть, где я рассказываю тебе свои теории о том, чего нам недоговорили. Примерно между разрывом помолвки и, вероятно, заслуженными тумаками.

Тристан с готовностью вошел в портал следом за ней.

– У тебя есть догадки?

Она нажала кнопку Лондона.

– А у тебя – нет?

Они переглянулись с улыбками, а портал подтвердил направление: станция Кингс-Кросс, Лондон, Англия, Соединенное Королевство.

– Почему я? – спросил Тристан.

– Почему нет?

Похоже, думали они одинаково. У Парисы не было опыта в сотрудничестве, но она чувствовала, что это – важная составляющая командной работы.

– Сейчас бы пинту накатить, – сказал Тристан, и двери закрылись, унося их туда, где они проведут остаток вечера.

Либби

День у бедного Эзра не задался и, само собой, хорошо закончиться просто не мог. Сперва Эзра был вынужден сидеть с родителями Либби на церемонии выпуска, с которой она, кстати, улизнула без предупреждения я, а вернувшись, отложила объяснения, решительно затащив его в кровать. Ну, зато ему секс перепал; это освежило обстановку, пусть при этом его партнер по акту (читай: Либби) никак не мог выбросить из головы таинственные и заведомо манипуляторские делишки, которые отвлекали, так и не позволив кончить. Поэтому и Эзра не... испытал большого кайфа.

Из плюсов: Либби милостиво приготовила ему ужин.

Из минусов: за вышеупомянутым ужином она сообщила, что принимает предложение Атласа Блэйкли, Хранителя, хотя и не смогла толком объяснить почему.

– Значит, ты вот так... уезжаешь? – спросил Эзра. Его черные волосы с одной стороны примялись, с другой встопорчились, а распухшие губы раскрылись от удивления. Когда Либби заговорила, он как раз пригубил вино, да так и забыл поставить бокал на стол. – Но, Либ...

– Это всего на два года, – напомнила она. – Ну, на один точно. Потом, надеюсь, меня примут, и я продолжу обучение.

Эзра поставил наконец бокал и хмуро посмотрел на него. Молодой человек по природе своей был задумчивым и, честное слово, до невозможности мягким. А еще никогда не мог толком уложить волосы.

– И... что это вообще такое? Эта возможность?

– Нельзя говорить.

– Но...

– Просто доверься мне, – в который раз сказала Либби. – Это, по сути, такая стипендия, – добавила она, но выбрала, к несчастью, совсем не те слова.

– Кстати, о стипендиях. Я как раз хотел об этом поговорить, – Эзра внезапно просиял. – Буквально только что услышал от Портера из кабинета казначея, что Варона отклонил стипендию НУМИ. Я знаю, ты была не в восторге от работы в ВС, и если тебе по-прежнему интересно, то я уверен, что мог бы замолвить за тебя словечко.

Вообще-то ему следовало знать, что это плохое предложение. За Нико она ничего подбирать не станет, сейчас – уж точно.

Другое дело, ей пришлось объяснять еще кое-что.

– Кстати, о Вароне... – Либби откашлялась. – Он, в общем... тоже приглашен.

Эзра опешил.

– Вот как?

– Ой, да брось. Было бы чему удивляться. – Либби принялась гонять пасту по тарелке. – Ты же видел нас этим утром, разве нет?

– Да, но я подумал...

– Слушай, ничего не изменилось, – прохладно сказала Либби. – Непонятно почему, но мы с Нико умеем делать одинаковые вещи и...

– Тогда зачем вы им оба? – спросил Эзра. Ну вот, опять не то спросил. – Тебя же бесит работать с ним. Я уж не говорю о том, что все знают: ты лучше...

– Вообще-то не знают, Эзра, – фыркнула Либби. – Раз уж ему досталась моя степуха. Видишь, как все устроено?

– Но...

– Я не дам ему победить на этот раз, малыш. Seriously, не дам. – Она промокнула губы салфеткой и в отчаянии бросила ее на стол. – Мне надо отмежеваться от него. Как ты этого не видишь?

– А нельзя сделать это... ну, не знаю... – Эзра укоризненно помолчал. – Как-нибудь по-другому?

Его послушать, так это просто. Как Эзра до сих пор не поймет, что, поступая по-другому, Либби по умолчанию делала меньше Нико? Прозвучит абсурдно, но прагматические (ладно, признаем, разумные) предложения Эзры каким-то образом постоянно заставляли Либби, забыв отвращение, защищать талант Нико де Вароны.

– Послушай, – сказала Либби, – шансы таковы, что только один из нас дойдет до финиша, когда... стипендия, – спохватилась она, чуть не выдав лишние подробности, – определит окончательный состав этого... – Пауза. – Факультета. – Еще пауза, а потом: – У нас с ним одинаковые способности, поэтому нас, само собой, сравнивают. Либо его выберут, а меня отсеют, и в этом случае я вернусь через год, а может, и скорее, или же выберут меня, а его сольют, и тогда...

– Ты победишь, – выдохнул Эзра, прикрыв рот ладонью, – и мы наконец перестанем беспокоиться о том, что делает Варона?

– Да. – Ну, хотя бы это ясно. – Да и сейчас не стоит о нем переживать.

Эзра застыл.

– Либ, я не...

– Вообще-то переживаешь, – сказала Либби, поднимая бокал. – И я буду дальше твердить тебе, что ничего нет. Он просто осел.

– Уж поверь, я в курсе...

– Буду звонить тебе каждый вечер, – пообещала она. – И приезжать домой на выходные. – Так и будет. Может быть. – Ты моего отсутствия даже не заметишь.

Эзра вздохнул.

– Либби...

– Просто дай мне проявить себя. Вот ты все твердишь, что Варона не лучше...

– ...он и не лучше...

– ...но, по сути-то, Эзра, твое мнение никого не волнует. – Он поджал губы. Видимо, слегка обиделся, что она отвергает его заботы и попытки ободрить. Впрочем, здесь нельзя было идти на компромиссы. – Ты так ненавидишь его, что не замечаешь, как он на самом деле хорош, малыш. Мне лишь нужна возможность подучиться и проявить себя. А проявить себя, выступив против лучших из лучших, значит выступить против Нико де Вароны, веришь ты в это или нет.

– То есть у меня нет права голоса? – сказал он хмуро, но истинное выражение его лица было не прочитать. Точно с таким же он смотрел на кроссворды или старался не указывать на грязную посуду, которую Либби стабильно оставляла в мойке.

– У тебя еще как есть право голоса, – заверила она его. – Ты можешь сказать «Либби, я тебя люблю и поддерживаю» или еще что-нибудь. – Она сглотнула и добавила: – Но поверь мне, Эзра, на этот вопрос есть всего два ответа. И не дав одного, ты даешь другой.

Либби приготовилась, скрепя сердце. Она не ждала от Эзры эгоистичных требований – их он никогда, даже в ущерб себе, не предъявлял, – как не ждала и восторгов. Эзра ценил близость; это ведь он предложил съехаться и, разумеется, настраивался на вещи, которые семейный консультант назвал бы совместным времяпрепровождением. И, уж конечно, он не радовался тому, что вдали от него Либби будет рядом с Нико.

Но, к неимоверному облегчению Либби, Эзра просто вздохнул и взял ее за руку.

– А ты широко берешь, умница моя, – сказал он.

– Это, – пробормотала она, – не то чтобы ответ.

– Ладно, Либби, я люблю тебя и всегда поддержу. – Дав ей на мгновение испытать облегчение, он добавил: – Только будь осторожна, ладно?

– Осторожна с чем? – фыркнула Либби. – С Вароной?

Нико был до смешного безобиден. Он был хорошим, даже отличным человеком, когда хотел; но, если он решит строить козни, вряд ли у него на это хватит мозгов. Может, он и достает Либби, но даже так ей не грозит ничего, разве что потерять выдержку.

– Просто будь осторожна. – Эзра поцеловал ее в лоб. – Никогда себе не прощу, если с тобой что-то случится, – пробормотал он, и Либби застонала. Ну вот, опять эта рыцарская байда.

– Я могу о себе позаботиться, Эзра.

– Я знаю. – Он потрепал ее за щеку, слабо улыбнувшись. – Но зачем еще я нужен тогда, а?

– Есть еще твое тело, – заверила его Либби. – И потом, ты готовишь ужасные болоньезе.

Он резко поднял ее с места и прижал к себе, а она засмеялась, неубедительно сопротивляясь.

– Буду скучать по тебе, Либби Роудс, – сказал Эзра, – честное слово.

Ну, вот все и уладилось. Теперь Либби смело может соглашаться.

Она обхватила Эзру за шею руками и на мгновение прижалась к нему. Она, может, и не беспомощная барышня, но было так приятно ухватиться за что-то надежное, прежде чем броситься в неизведанное.

Часть III. Битва

Каллум

Решение ответить Атласу Блэйкли согласием далось не особенно сложно. Если бы Каллуму было плевать на новый опыт, он бы удалился. Так он, собственно, по большей части и жил: приходя и уходя, когда вздумается. Те, кого эти выходки ранили, если и злились на его похожую на ртуть личность, долго обиды не держали. Каллум вообще делал так, что они сами приходили узнать его мнение. Поговорив же, они, с его подачи, легко соглашались вести себя рассудительно.

Каллум всегда знал, что термин, которым определяет его специальность диплом Эллинистического университета магических искусств, неверен. Под манипулистическую субкатегорию иллюзионистов чаще попадали физики: люди, которые умели исказить вещи, превращать их в нечто иное. В умелых руках вода соглашалась стать вином, ну или хотя бы принимала его цвет и вкус. Одна из особенностей магии, как науки и ремесла, состояла в том, что в конце концов важны именно форма и вкус, а их назначение или первоначальную природу легко можно отвергнуть в пользу нужного результата.

Однако, похоже, Общество и Атлас Блэйкли знали то, чего не знали другие: специальность Каллума более точно определялась как очень мощный вид эмпатии. Неверному диагнозу Каллум не удивлялся; эмпатию считали чисто женским видом магии, и когда ее обнаруживали, то культивировали осторожно, по-матерински мягко. Было много женщин-медитов, способных манипулировать чужими эмоциями; зачастую они становились чудесными филантропами, чей вклад в медицину прославляли. Очень по-женски: обладать и магией, и святостью. Будь у Каллума время, он обвинил бы во всем ложность гендерной дихотомии.

У мужчин эмпатия проявлялась настолько жидко, что считалась вовсе не магией, а просто чертой характера. Когда речь заходила о даре убеждения, способности, которая потенциально могла развиваться до уровня медитского навыка (и снабжалась смертным ярлыком «харизма»), то ее часто забывали в пользу примитивного образа жизни: учебы в каком-нибудь знаменитом университете смертных вроде Оксфорда или Гарварда, например, а следом удачной карьеры в смертной области. Порой мужчины-эмпаты становились генеральными директорами, адвокатами или политиками. Иногда тиранами, мегаломаньяками или диктаторами – и в данном случае, наверное, было даже лучше, что их талант не раскрывался полностью. Магия, как и большинство видов физической нагрузки, требовала должной тренировки, если хочется обращаться с нею правильно и подолгу. Пойми хоть кто-то из этих мужчин, что их природное качество можно отшлифовать, и миру пришлось бы гораздо хуже.

Само собой, есть и исключения, и в данном случае это Каллум. От семени любого пространственного в мире зла его (на благо все того же мира) избавило всякое отсутствие амбиций, которое, вкупе с любовью к изящному, гарантировало, что он не устремится к господству над миром или чему-то похожему. Голод в сочетании с любым навыком манипуляций – страшная сила. Основной закон человеческого поведения: когда низы получали необходимые инструменты, они принимались прогрызать себе путь наверх. Те же, кто родился наверху, как тот же Каллум, в обратную сторону не стремились. Когда вокруг тебя и так все красиво и позолочено, какой смысл что-то менять?

Посему ничто не побуждало Каллума соглашаться на предложение Атласа Блэйкли, но ничего и не отталкивало. Он мог пройти инициацию, а мог и не пройти; Общество могло впечатлить его настолько, чтобы он остался, а могло и разочаровать. Оно само по себе, разумеется, не впечатляло ничем. Каллум происходил из богатой семьи, а значит, успел повидать деньги

во множестве естественных ипостасей: королевские, аристократические, капиталистические, грязные... Список он мог продолжать до бесконечности. А эта форма, александрийская, была чисто академической, хотя богатство, принадлежащее научной элите, частенько относилось к уже перечисленным, если не сочетало их все.

Право слово, из поколения в поколение, во всех системах знание бесконечно порождает знание, равно как власть бесконечно порождает власть. Не то чтобы Каллум хотел критиковать такой порядок вещей. Действительно ли он лучше, умнее, опытнее своих соперников или же просто родился с нужными ресурсами? Никогда, добиваясь успеха, Каллум себе таких вопросов не задавал.

Остальные пятеро тоже вернулись (что неудивительно), готовые принять предложение Атласа Блэйкли, – благодаря новому заклинанию перемещения. На этот раз оно выбросило их не в корпоративном конференц-зале, где проходила первая вербовочная встреча, но в прихожей пышного особняка, который так и дышал безошибочно узнаваемым изяществом, свойственным элитизму и унаследованному богатству.

Нет, правда, обхохочешься. Впечатление, будто Александрийское общество решило, что теперь, когда они все в теме, можно раскрыть перед ними карты. Каллум взглядом скользнул по балюстраде балкона на верхнем этаже и основанию большой лестницы, задержавшись поочередно на каждом из пятерых кандидатов. Лучше всего запоминалась американка по имени Либби Роудс – по тому, как часто и раздражающе она говорила, и, естественно, она же первой задала глупый вопрос.

– Мы сейчас в Александрии, правда? – спросила она, наморщив спрятанный за очень непривлекательной челкой лоб. Будь на то воля Каллума, он бы сделал ей совершенно другую прическу; собрал бы волосы наверху или сзади, лишь бы она только не теребила кончики прядей. – Что-то не похоже на Александрию.

Определенно. Интерьер постройки здорово напоминал убранство какого-нибудь британского загородного поместья. Изнутри площадь земель определить было трудно, но сам дом Каллум мог описать как величественный; а то, что мелькало в окнах – Н-образная конструкция с загнутыми внутрь крыльями, – намекало на причудливый итальянизированный декор поверх классического Тюдоровского кирпича. Прихожая на первом этаже, через которую они вошли, перетекала в галерею на верхнем, а потом уводила в завешанную приятными гобеленами гостиную; комнаты, шедшие дальше, были одна другой позолоченнее. В декоре чувствовалась тьма, в палитре преобладали зеленые и винные оттенки. Либо с последней модернизации дома минуло некоторое время, либо человек, ответственный за эстетику, чувствовал глубокую экзистенциальную тоску.

В любом случае обилие гостинных наводило на очевидные выводы – например, где находится дом. Жила семья Нова, конечно, в Кейптауне, однако ей неоднократно приходилось гостить у британской королевской семьи (некогда Нова близко общались с греческой монархией, отсюда и комфортное обучение в афинском Эллинистическом универе), и декор особняка показался Каллumu очень знакомым. Стены украшали портреты аристократов наряду с разнообразными викторианскими бюстами, и, хотя в самой архитектуре угадывалось греко-романское влияние, она несла очевидные маркеры романтизма, больше склоняясь к неоклассицизму восемнадцатого века.

Короче говоря, скорее всего, они где-то в Англии.

– Что ж, думаю, не грех сказать, что мы в пригороде Лондона, – подтвердил Далтон Эллери, чопорный помощник, аура которого читалась сразу: страх или запуганность. Каллум полагал, что Далтон испытывает навязчивое чувство умственной неполноценности, а больше ничем другим объяснить его бессмертную приверженность наукам он не мог. Если членство в Обществе дарило богатство и престиж, зачем торчать здесь, не пользуясь ими?

Впрочем, видя, что Далтон не больно-то парится, Каллум не стал размышлять над этим долго.

Вместо этого он присмотрелся к Тристану и Парисе, единственным интересным людям, которые, перемещаясь с остальными по дому, тайком переглядывались.

Либби, которая так колюче и безостановочно волновалась, что у Каллума начало сводить зубы, смущенно нахмурила брови.

– Но если это и есть Александрийская библиотека, как тогда...

– В ходе истории Общество несколько раз меняло ее расположение, – объяснил Далтон. – Конечно же, изначально она располагалась в Александрии, но вскоре переехала в Рим, а после в Прагу – до Наполеоновских войн, и в конце концов оказалась тут, примерно в Эпоху великих географических открытий, заодно с прочими благами капитализма.

– Еще ни разу, – пробормотал Нико, юноша-кубинец, который, к счастью, был не настолько высок, чтобы пробудить в Каллуме приземленные импульсы, – не слышал такой окровленной британщины.

– Да, это больше походит на Британский музей, – небрежно подтвердил Далтон, увводя их вверх по ступеням, – тем, как реликвии множества культур принудительно собраны под единой монархической крышей. Как бы там ни было, – продолжал он таким тоном, будто предыдущего заявления было мало и никто не удивился, – предпринимались бесчисленные попытки разместить библиотеку где-нибудь в ином месте. До 1941 года американцы предъявили весомый аргумент, желая перевезти ее в Нью-Йорк, но мы, разумеется, все знаем, что тогда произошло. В общем, как я уже говорил, вас всех разместят здесь, – сказал он, сворачивая за угол галереи, в очередную гостиную, а оттуда проходя в коридор с дверьми. – Ваши имена значатся на табличках у дверей, вещи уже в спальнях. После экскурсии вы встретитесь с Атласом, потом вас ждет ужин. Каждый вечер в половине восьмого звучит гонг, – добавил Далтон. – Этим вечером ваше присутствие обязательно.

Каллум заметил, как Тристан с Парисой обменялись еще одним заговорщицким взглядом. Может, они уже знали друг друга, как те двое американцев? Каллум немного подумал над этим, а потом решил, что они, как и остальные, прежде не встречались, но после знакомства еще виделись наедине.

Он ощутил приступ ревности, потому что не любил, когда кто-то успевал завести друзей прежде него.

– На что похож обычный день? – так и сыпала вопросами Либби. – У нас будут занятия или...

– В некотором смысле, – сказал Далтон. – Хотя, думаю, Атлас вас еще просветит.

– А вы разве не знаете? – спросила Рэйна, скучающего вида японка с кольцом в носу, у которой оказался неожиданно низкий голос. Она до этого еще ни разу не говорила и вроде как даже не слушала, зато пристально осматривала содержимое всех комнат.

– Что ж, каждый новый класс кандидатов немного отличается от предыдущего, – сказал Далтон. – Каждые десять лет выбор падает на разные специализации, и всякий новый круг адептов – это новый комплект навыков. Таким образом, исследовательские задания разнятся.

– Полагаю, вы не скажете нам, у кого какая специализация? – спросила Париса. Она сама излучала некоторую ауру убеждения, только направляла ее на Далтона. Знакомо; лжеинтеллектуальность всегда привлекает девчонок, загостившихся во Франции. Это такая же парижская мода, как короткие стрижки, минимализм в одежде и сыр.

– Решать, – произнес Далтон, – уже вам. Впрочем, не сомневаюсь, что вы скоро и сами все узнаете.

– Мы будем жить вместе и совместно принимать пищу? Представляю, как мы скоро все перезнакомимся, аж тошно станет, – заметил Тристан, растягивая слоги, что вызвало у Парисы сдвленный и в высшей степени поддельный смех.

– Уверен, так и будет, – невозмутимо ответил Далтон. – А сейчас прошу всех сюда.

Спустившись, Далтон провел их лабиринтом величественных аванзалов в стиле неоклассицизма и остановился в особенно солнечной, пышной комнате. Ее обстановка шла вразрез с остальными частями дома; под раскрашенным куполом выгибалась наружу апсида, а напротив камина тянулась заставленная книгами стена. Рэйну, которая до этого незаинтересованно куксилась, вид богатой библиотеки будто наконец пробудил. Стоя позади остальных, она так и вытаращила глаза.

– Это раскрашенная комната, – пояснил Далтон. – Именно здесь вы будете видеться по утрам с Атласом и со мной, сразу же после завтрака в небольшой столовой при кухне. Самый короткий путь через сад в читальный зал и архивы – через эти двери, – добавил он, указав взглядом влево.

– Так это не библиотека? – спросила Рэйна и хмуро задрала голову, оглядывая верхние полки. Стоявший рядом папоротник опасливо сжался.

– Нет, – ответил Далтон. – Библиотека – для письменных работ. И, если будет угодно, для чая со сливками.

Нико, стоявший рядом с Либби, изобразил отвращение.

– Да, – согласился Далтон, дергая за выбившуюся ниточку на манжете. – Согласен.

– А здесь разве больше никто не живет? – спросила Либби, заглядывая с прищуром в дальний конец коридора. – Это же вроде как общество?

– Здесь размещены только архивы. Александрийцы обыкновенно приходят по записи, – объяснил Далтон. – Время от времени в читальном зале проводят встречи небольших групп. На это время вас попросят не беспокоить их, и их вас – тоже. Атлас принимает гостей в большой столовой или у себя в кабинете в южном зале.

– Это часть его хранительства? – без интереса спросил Тристан.

– Да, – ответил Далтон.

– Что это вообще значит? – Это был Нико.

– Хранитель – это еще ко всему прочему и стюард при архивах, – сказал Далтон. – Он отвечает за их сохранность и доступ просителей.

– Неужели вот так просто можно прийти и уйти? – Снова Либби.

– Разумеется, нет, – сказал Далтон, – хотя и это тоже зависит от вашей осторожности.

– Нашей? – переспросил Тристан.

– Вашей, – подтвердил Далтон, и Либби раскрыла рот.

– Но как...

– Далтон имеет в виду, – послышался елейный голос Атласа, – что я работаю с посвященными членами Общества, а когда речь заходит о посторонних, встает вопрос определенных мер безопасности.

Каллум и Тристан оглянулись первыми.

– Часть вашей работы как нового класса, – продолжал Атлас, – состоит в том, чтобы разработать протокол безопасности, соответствующий вашему коллективу. И, предупреждая вопросы, – он ободряюще улыбнулся Либби, – я буду рад объяснить, что это значит. Как и в случае со всеми самыми крупными тайнами, существует целый ряд людей, которые знают об Обществе. Годами кое-какие организации пытались ограбить нас, проникнуть к нам или даже погубить. Поэтому мы полагаемся не только на имеющиеся чары, но и на разработки класса кандидатов.

– Постойте, – сказала Либби, видимо, не в силах вообразить, как такой большой секрет может быть известен чуть ли не всем. – Это значит, что...

– Это значит, что первым делом вам всем предстоит обсудить ваши умения создавать магическую защиту, – подтвердил Атлас, и за их спинами материализовались стулья, стоявшие до этого за столом у камина. – Прошу, присаживайтесь, – сделал он жест, и все шестеро насто-

роженно (Рэйна, наверное, настороженнее прочих) заняли места. – Надолго я вас не задержу, – успокоил их Атлас. – Сегодня во второй половине дня вам предстоит разработать коллективный план. Я здесь в основном для того, чтобы дать руководство, остальное – уже за вами.

– Кому-нибудь что-нибудь уже удалось стащить? – спросил Тристан, самый циничный из всех. А может, ему просто так везло первым делать подобные замечания.

– Или вообще добился хоть какого-то успеха? – вставил Нико.

– Да, – сказал Атлас. – И в этом смысле, я надеюсь, что ваши наступательные навыки отточены не менее оборонительных, поскольку вы получите распоряжение вернуть все, что отсюда вынесли.

– Распоряжение, – эхом пробормотала Рэйна, и Атлас посмотрел на нее с улыбкой.

– Распоряжение, – подтвердил он. – Вежливое. Отнеситесь к нему со всей серьезностью.

Даже это прозвучала благонаравно, чему Каллум не удивился. Все тут было исключительно по-британски: от купола так называемой раскрашенной комнаты до ужина, на который их станут звать по сигналу гонга.

Либби, конечно же, робко подняла руку.

– И как часто от нас будет требоваться защищать... – Она помолчала. – Коллекцию?

– Что ж, это зависит от силы вашей системы. – В углу комнаты ненадолго мелькнул красный огонек. – Вот сейчас, например, – сказал Атлас, – была предотвращена попытка нарушить периметр Общества. Хотя, может, кто-то просто забыл ключи.

Он улыбался, а значит, скорее всего, шутил. У Каллума возникло чувство, будто Атлас Блэйкли отчаянно пытается им понравиться. Ну, или он просто был таким человеком, который ото всех ждал, что его полюбят.

– Что же до предмета... «коллекции», как вы ее назвали, мисс Роудс, – произнес Атлас, кивнув в сторону Либби, – подразумевая содержимое наших архивов, то это вопрос куда более сложный. Постепенно вы все получите доступ к записям Общества, и по мере того, как будете заслуживать доверие, вам будет открываться все больше. Каждая отпертая дверь приведет к следующей, которая, открывшись, приведет к другой. Метафорически, естественно.

На этот раз встрял Нико:

– А эти двери...

– Мы начнем с физических понятий. С пространства, – сказал Атлас. – С фундаментальных законов физики и того, как их обойти.

Либби переглянулась с Нико, и это стало первым разом, когда она при Каллуме не отреагировала на что-то в своей нелепой манере.

– Когда докажете, что вам можно доверить самые доступные из наших открытий, перейдете к следующему предмету. Пятеро посвященных, конечно же, продвинулись еще дальше в течение второго года, посвященного самостоятельной работе. Там предметы становятся более узкоспециализированными; Далтон, к примеру, – Атлас оглянулся на помощника, который мало не сливался с обоями, – работает в такой узкой области знаний, что доступ к этим материалам открыт только ему.

Париса, рассмотрел Каллум, нашла этот кусочек информации воистину любопытным.

– Он закрыт даже для вас? – спросила Рэйна, снова поражая Каллума тембром.

– Даже для меня, – подтвердил Атлас. – Мы, как общество, не считаем, что одному человеку необходимо знать все. Это и не реально, и не безопасно.

– Почему? (Снова Либби.)

– Потому, мисс Роудс, что жажда знаний бесконечна. Чем больше вы их получаете, тем меньше, как вам кажется, вы знаете. И так в нескончаемых поисках люди часто теряют разум.

– А как насчет женщин? – спросила Париса.

Атлас кротко улыбнулся ей уголком рта.

– Им чаще хватает ума не искать знаний. – Его ответ прозвучал как предупреждение.

– Вот вы говорите «система»... – снова начала Либби, и Каллум вздрогнул, в который раз испытал раздражение. Ее тревога напоминала облако комаров: оно не то чтобы жалило, просто не давало покоя, и Каллум не мог спокойно сидеть на месте.

– Вас шестеро, – сказал Атлас, указывая на группу. – На каждом лежит одна шестая ответственности за безопасность Общества. Как разделить ее, решать вам. И, пока я не оставил вас решать этот вопрос, – добавил он, напугав Либби перспективой работать без руководства, – скажу, что, хоть в настоящий момент у вас и нет доступа к сокровищам, вы несете полноценную ответственность за их защиту. Разрабатывая план, помните об этом.

– Как-то это не очень логично, – бунтарски заметил Тристан, оправдывая ожидания Каллума. – Мы отвечаем за то, чего не видим?

– Да, – ответил Атлас и быстро кивнул. – Вопросы есть?

Либби открыла было рот, но, к несказанному облегчению Каллума, Нико остановил ее жестом.

– Отлично, – сказал Атлас и обернулся к Далтону. – Что ж, мы еще увидимся за ужином. Добро пожаловать в Александрийское общество, – добавил он, выпуская Далтона из раскрашенной комнаты первым, а после вышел и, склонив напоследок голову, закрыл за собой двери.

Рэйна

Некоторое время все шестеро, настороженно и молча, с любопытством приглядывались друг к другу.

– А ты тихоня, – заметил Тристан, оборачиваясь к Каллуму, блондину-африканеру, сидевшему слева от него. – Никаких мыслей по этому поводу?

– Срочных нет, – сказал Каллум. Внешность у него была типажная, напоминающая о стандартах старого Голливуда и неослабевающей чуме вест ернизации, которую Рэйна просто ненавидела, однако его голос звучал успокаивающе, а жеманность чуть ли не убаюкивала. – Зато ты какой-то мнительный.

– Такая уж у меня, боюсь, природа, – беззастенчиво ответил Тристан.

Париса, как заметила Рэйна, пристально за ней наблюдала. Рэйна чуть вздрогнула, ощутив небольшое вторжение в свои мысли, а это уже огорчило стоявший рядом папоротник.

– Как странно, – сказала Либби, заметив реакцию растения. Она нахмурилась, присматриваясь к нему, а потом подняла взгляд на Рэйну – Так ты... натуралист, я угадала?

Рэйне вопрос не понравился.

– Да.

– Почти все натуралисты медитского уровня свои навыки контролируют, – заметила Париса, чем сразу выдала свою бестактность. Не то чтобы Рэйну ее поведение ошеломило: она видела, что Париса из тех, кто присутствие бесполезных людей просто не замечает.

С одной стороны, такое отношение раздражало, а с другой, оценка Парисы Рэйну не трогала. Личный опыт показывал: бесполезное и в дурных руках не сработает – поэтому Париса могла сколько угодно делать неверные выводы.

Настоящим вызовом для Рэйны была работа в группе. Им придется зависать в одном месте.

Рэйна уже жалела, что не осталась дома.

– Ой, я же не то хотела сказать... – Либби зарделась. – Я только... думала... э-э...

– Я не изучала натурализм, – подсказала Рэйна. – Я специализировалась на древней магии. Классической.

– О-о-о, – немного смущенно протянула Либби, а Париса прищурилась. – Как историк?

– Как историк, – эхом повторила Рэйна. Историк-одиночка.

Парису ее тон не смутил.

– Так ты свое собственное ремесло не развивала?

– А какая тут у кого специализация? – вмешался Нико. Надо сказать, очень вовремя, потому что Рэйна начала закипать, и Париса за свои намеки могла вот-вот получить удавку на шею в виде папоротника, который Рэйна якобы контролировать не в силах.

Впрочем, Нико не столько вступался за Рэйну, сколько хотел оживить беседу.

– Вот у тебя, например, – обратился он к Парисе, и та напряглась.

– А у тебя?

– Мы с Роудс работаем с материей. Физика силы, молекулярная структура, вот это все... Я, разумеется, лучше...

– Заткнись, – пробормотала Либби.

– ...у нас у каждого есть любимая тема, но оба мы умеем манипулировать физическими свойствами материи. Движение, волны, стихии, – суммировал Нико, выжидательно глядя на Парису. – А ты?

– А что я? – небрежно ответила та.

Нико замялся.

– Ну, я просто подумал...

– Не понимаю, зачем делиться подробностями наших специализаций, – уныло вмешался Тристан. – Мы ведь соревнуемся друг с другом, разве нет?

– Так мы же работаем вместе, – ошеломленно возразила Либби. – Ты что, правда намерена весь год хранить свою магию в тайне?

– Почему бы и нет? – пожала плечами Париса. – Всякий, кому хватит ума ее раскусить, возможно, довольно сообразителен, но что касается тонкостей...

– Мы не сможем работать в группе, ничего друг о друге не зная, – вкрадчиво попытался возразить Нико.

Он явно считал себя обаятельным и способным сплотить.

– Даже если кого-то в конце исключат, – сказал Нико, – я все равно не понимаю, в чем смысл расшатывать группу.

– Ты говоришь так только потому, что уже раскрыл свою специализацию, – пробормотал Каллум, улыбаясь уголком рта, за что понравился Рэйне еще меньше.

– Ну, мне-то стыдиться нечего, – чуть раздраженно ответил Нико, за что понравился ей больше. – И если только остальные не испытывают неуверенности в своих способностях...

– Неуверенности? – фыркнул Тристан. – То есть ты считаешь себя лучше всех?

– Я этого не говорил. Я только...

– Он и правда считает себя самым крутым, – сказала Париса. – Но кто думает о себе иначе? Разве что ты, – недружелюбно бросила она в сторону Рэйны... и с треском провалилась на самое дно списка потенциальных друзей.

– Я только подумал, что есть, наверное, какой-то способ прийти к компромиссу, – сказал Нико. – Нужно хотя бы примерно представлять, кто на что способен.

– Согласна, – ответила Рэйна, главным образом потому, что упирались Париса с Тристаном. Ей-то никакой разницы не было: все и так уже знали ее специализацию, вот она, как Нико с Либби (которая, слава богу, наконец-то умолкла), и решила выдать признание из остальных. – Иначе физикам придется взять на себя львиную долю работы, а мне – тратить всю свою энергию на защиту...

– Не все упирается в грубую силу, – раздраженно заметил Тристан. – То, что у вас материалистическая специализация, не значит, что вам придется колдовать одним.

– Ну, ты уж точно не даешь мне повода для...

– Стоп, – прервал Рэйну Нико, чем немало смутил остальных. – Кто это делает?

Рэйне это не понравилось, но лучше уж Нико, чем Тристан.

– Делает что?

– Роудс уже должна была высказаться, – заметил Нико, скользнув взглядом в сторону Либби. Та удивленно моргнула, а Нико с подозрением пригляделся к Тристану, Парисе и Каллumu. – Но кто-то убедил ее молчать. Кто?

Тристан глянул на Парису.

– О, спасибо, – сухо произнесла она. – А ведь так и не скажешь.

– Ну, меня-то винить трудно...

– Это не я, – раздраженно отрезала Париса, и Рэйна с трудом сдержала улыбку. Мало того, что союз Тристана с Парисой уже дал трещину, так еще и специальность Парисы вскрылась: она читала мысли и эмоции людей.

– Кто-то из вас влияет на чужое поведение, – произнес Нико и, ошетинившись, добавил: – Так нельзя.

Оставался последний подозреваемый, и один за другим все обернулись к Каллumu.

– Расслабьтесь, – со вздохом сказал тот, апатично закидывая ногу на ногу. – Она переживала, и я ее отключил.

Либби моргнула и тут же вспыхнула:

– Как ты посмел...

– Роудс, – осадил ее Нико. – Здесь воздух слишком сухой.

– Заткнись, Варона...

– Так ты эмпат, – Рэйна взглянула на Каллума, – и это значит... – Она посмотрела в сторону Парисы. – ... что ты читаешь мысли, – догадалась она, решив, что для общества, позиционирующего себя как самое продвинутое в своем роде, было бы нелогично пригласить две пары человек одинаковой специальности.

– Больше нет, – сказала Париса, зло посмотрев на Тристана. – Тут все уже щиты возвели.

– Никто их долго не удержит, – ответил Тристан, подозрительно глядя на Каллума. – Особенно если нам придется еще и эмоции свои скрывать.

– Это глупо, – сказала Либби, успешно избавившись к тому времени от влияния Каллума. – Послушайте, я буду последней, кто скажет, что Варона способен на разумные поступки...

– Кто-кто? – спросил Каллум, который, похоже, решил поиздеваться над ней.

– Я про... Нико... как угодно... Смысл вот в чем, – нетерпеливо выдохнула Либби. – Мы ничего так и не сделаем, если будем защищаться друг от друга. Я, мать вашу, сюда учиться пришла! – взорвалась она, что Рэйна восприняла с несказанным облегчением.

Либби, может, и раздражала, но она хотя бы не боялась настаивать на том, что правда важно. Система ценностей у нее была в полном порядке.

– Я наотрез отказываюсь, – дымилась Либби, – тратить свою магию на то, чтобы не пускать вас всех к себе в голову!

– Отлично, – небрежно заметил Каллум. – Я тогда обещаю никому из вас спуска не давать.

– Эй, – отрезал Нико. – Она права. Я бы тоже хотел кое-какой автономии для своих чувств, спасибо.

Тристан и Париса как будто согласились, хоть и не были готовы сказать этого вслух.

– Вряд ли надо объяснять эмпату, почему никто не хочет, чтобы с их эмоциями играли, – не уступала Либби.

Каллум вяло отмахнулся.

– Я, конечно, знаю, что вы переживаете, но не собираюсь вникать в ваши чувства. Впрочем, так и быть, обещаю вести себя хорошо, – добавил он, бросив на Парису хитрый взгляд, и та злобно посмотрела на него в ответ.

– Я ни на кого не влияю, – раздраженно сказала она. – По крайней мере, магически. Я же не манда какая-нибудь.

«Ну-ну», – громко подумала Рэйна, чем тоже заслужила злобный взгляд Парисы.

Обсуждение закончилось, и оставшиеся три члена группы посмотрели на Тристана, который – как запоздало сообразил Рэйна, – еще не раскрыл свою специализацию.

– Я... – Загнанный в угол, он напрягся. – Я что-то типа иллюзиониста.

– Ну да, как и я, – с сомнением протянул Каллум. – Это слишком уж общий термин, не находишь?

– Постой-ка, – сказала Париса, внезапно что-то вспомнив. – Тебя ведь зовут Каллум Нова? Из клана иллюзионистов Нова?

Остальные заинтересованно встрепенулись, и даже Рэйна не смогла скрыть любопытства. Корпорация «Нова», глобальный медиаконгломерат, который тайком – да и то не всегда – специализировался на иллюзиях; он доминировал как в смертной, так и медитской сферах, наиболее ловко действуя в индустрии косметики и красоты. Нова восхищали не только своей продукцией, но и беспощадным отношением к конкурентам. Они вывели из дела несколько малых компаний, постоянно подрывая медитские регламенты на использование магии в смертных продуктах.

Впрочем, не это заинтересовало Рэйну. До Парисы начало доходить, как она проворонила самого богатенького из кандидатов, и это привело Рэйну в такой восторг, что плачущий фикус Бенджамина в углу радостно дал плоды.

– Да, я Нова, – признал Каллум, не сводя глаз с Тристана, который так ни в чем и не признался. – Хотя, как ты уже, наверное, догадалась, иллюзии – это не смысл моей жизни.

– Отлично, – прорычал Тристан. – Я вижу иллюзии насквозь.

Рука Либби взметнулась к щеке, а Тристан вздохнул.

– Да, я его вижу, – сказал он. – Это просто прыщ, расслабься.

Затем Тристан не спеша обратил внимание на Каллума, который напрягся в тревожном ожидании. Восхитительно, подумала Рэйна. Лучше станет, только если Тристан раскроет всем, что у Парисы нос не свой.

– Я им не скажу, если ты не скажешь, – пообещал Тристан Каллumu.

На какое-то время в комнате повисло такое напряжение, что даже цветы насторожились.

А потом Каллум расхохотался.

– Давай тогда это будет между мной и тобой, – согласился он и, обняв Тристана, похлопал его по плечу. – А они пусть гадают.

Значит, есть «мы» и «они». Вот это уже не так радовало.

«Мама-мама-мама», – дрожа от ужаса, шептал плющ в углу, а стоявший рядом фикус зашипел.

«Мама злится, – хныкал филодендрон. – Они злится, о нет-нет-нет...»

– ...нет смысла ссориться из-за этого, – говорила в это время Либби, и Рэйна тихонько сделала глубокий вдох в надежде, что зелень в комнате не взбунтуется. – Как бы мы ни относились друг к другу, нам все еще надо выработать хоть какой-то план безопасности, так что...

Не успела Либби Роудс начать командовать, как прозвучал низкий, громкий, взрывной звук гонга, и двери в раскрашенную комнату распахнулись. Как будто дом приглашал группу на выход.

– Похоже, придется отложить дела, – заметил Каллум и, не дожидаясь, пока Либби договорит, встал и вышел.

Тристан с Парисой у него за спиной переглянулись и двинулись следом; Нико тоже поднялся и, скривившись, позвал за собой Либби. Она, впрочем, не спешила и в отчаянии посмотрела на Рэйну.

– В общем, послушай, – начала она, переминаясь с ноги на ногу. – Понимаю, что была груба, ляпнула там про тебя, про натуралиста, но я просто...

– Нам необязательно становиться друзьями, – сказала Рэйна в лоб, перебив ее. Либби явно хотела предложить оливковую ветвь мира, но Рэйне хватало и живых ветвей, с которыми приходилось считаться; без метафорических она обошлась бы прекрасно. Друзей она заводить и правда не стремилась; она лишь искала побольше доступа к архивам.

Впрочем, двери запирать тоже не спешила.

– Нам просто нужно быть лучше их, – ворчливо заметила Рэйна, кивая в сторону остальных трех, и хотя бы это Либби уяснила.

– Понятно, – сказала она и, слава богу, последовала за Нико из комнаты, не дожидаясь Рэйны, которая поплелась следом под нитье потерянных растений.

Нико

Как ни противно было Нико говорить следующее, альтернативы он не нашел.

– Послушай, – обратился он к Либби, понизив голос, когда они огибали угол одного из запутанных коридоров. Узкие окна на первом этаже с видом на залитые закатным светом земли омывали интерьер золотом. – Мне нужна эта работа.

Либби, естественно, восприняла заявление в штыки.

– Варона, можно напомнить, что ты здесь не единственный, кому надо что-то доказать...

– Избавь меня от нотаций, Роудс. Мне нужен доступ. Особенный допуск, хотя пока еще не знаю, к чему. Мне необходимо увидеть как можно больше архивов Общества.

– Зачем? – тут же спросила Либби.

Когда дело касалось Нико, ее паранойя просто не знала границ. Он, разумеется, мог сказать, что большая часть исследований по отпрыскам нелюдей была древней и утраченной (или же незаконной и поверхностной), но ему не сильно хотелось откровенничать. Это ведь не его тайна, к тому же преступница-мамаша Гидеона в любой момент могла пробиться через наложенные Нико защитные чары. Время поджимало.

– Нужно, вот и все, – сказал Нико и, не давая Либби раскрыть рта, добавил: – Ты главное знай: я тут своего добьюсь, любой ценой.

– Нико, если ты пытаешься запугать меня...

– Я не... – Он в отчаянии умолк. – Роудс, твою ж налево, я пытаюсь работать с тобой.

– С каких это пор?

Ну не может такая умная девчонка быть настолько тупой!

– С тех самых, как заметил, что трое старших уже сбиваются в команду, – прошептал он, указывая на Тристана с Парисой, которые нагнали Каллума.

До Либби наконец стало доходить.

– Так ты хочешь подобия союза?

– Ты слышала, что сказал Атлас. Сперва у нас в программе материальная магия, – напомнил Нико. – Мы с тобой в этом перешеголяем всех остальных.

– Кроме разве что Рэйны, – сказала Либби, со страхом оглядываясь. – Правда, я не могу ее раскусить.

– Неважно, превзойдет она нас или нет. Роудс, мы с тобой в заведомо невыгодном положении. Есть мы и они. Если кого-то и выгонят, то явно одного из нас.

Она пожевала губу.

– Ну, и что ты предлагаешь?

– Работать заодно. – Они так долго враждовали, что предложение звучало нелепо, однако Нико рассчитывал на гибкость Либби. – В любом случае так мы добьемся большего. – Поразительно, а ведь все четыре года преподаватели твердили им то же самое! – Нельзя давать остальным повода считать кого-то из нас расходником.

– Если кто и считает меня расходником, так это ты, – сказала Либби, и Нико тяжело вздохнул.

– Не придирайся. Я стараюсь вести себя как взрослый. – Типа того. – Или хотя бы думать прагматично.

Поразмыслив, Либби сказала:

– А вдруг союз с тобой не в моих интересах? Вдруг ты правда окажешься бестолковым...

– Я не бестолковый и никогда таким не был, – резко ответил Нико. – Но если тебе так угодно, то мы будем командой, пока нам это выгодно. Что скажешь?

– А когда выгода закончится?

– Сразу сожжем мосты.

Либби снова задумчиво помычала.

– Мне кажется, они просто кучка снобов, – пробормотала она, когда они вошли в зал в центре Н-образного особняка. – И я типа уже ненавижу Каллума.

– Держи себя в руках. Эмпаты могут много чего натворить с сильными эмоциями.

– Не надо мне про эмпатов лечить. – Предсказуемый ответ, хотя Либби уже, кажется, сдалась. – Просто это так глупо, что мы не можем работать все вместе, – пробормотала она себе под нос. – То есть зачем собирать столько талантов, если никто из них не хочет посмотреть, к чему это приведет?

Нико пожал плечами.

– Может, они еще перешагнут через это?

– А, ну да, это ведь так часто случается, – проворчала Либби, теребя от волнения челку.

Она явно была готова согласиться. Нико демонстративно ждал, пока она про себя все прикинет, и вот она закатила глаза.

– Ладно, – ворчливо уступила Либби, и Нико напомнил себе, что раздражаться тут не с чего: он получил желаемое, к тому же это доказало его правоту. – Значит, мы союзники, пока полезны друг другу, но в любой момент все может закончиться.

– Мне нравится твой энтузиазм, Роудс, – сказал Нико, а она в ответ проворчала нечто оскорбительное, впрочем, тут они наконец вошли в столовую.

Здесь, как и везде, все было отвратительно формальным, на стенах висело еще больше пасторальных пейзажей, а посередине стоял длинный стол – в самый раз для банкетов или мятежей. Нико постарался не думать, что предпочел бы он, хотя в такой компании банкет казался маловероятным.

Если не считать разбивки на партии, чувствовал себя Нико вполне уверенно. Это Либби боялась. Да, ее сразу же выбрал целью Каллум (предсказуемый сорт подонка), к тому же хрупкость не позволяла ей смириться с надменностью и равнодушием Рэйны. В личном моральном кодексе Либби Роудс было прописано бояться всего, чем нельзя управлять.

Дайте ей проявить себя и раскрыться, и она уже не будет такой мышкой: это Нико знал по опыту. Элизабет Роудс обладала многими качествами – бесполезными по большей части, – но когда оспаривали ее способности, сдержанностью даже и не пахло. Ну, хоть раз эта ее склонность послужит на пользу.

«Чем скорее ей представится шанс пройти испытание, тем лучше», – хмуро подумал Нико, наблюдая, как Каллум, Тристан и Париса очевидно заблуждаются: они решили, будто скрытность и большой опыт делают их неким закрытым клубом. Нико чуть ли не жалел, что счел Парису такой привлекательной, хотя не первый раз западал на девушку, главным свойством которой была неспособность впечатляться.

Хорошо еще, ужин выдался недолгим, и в конце трапезы Далтон сообщил, что завтра их ждет первый полноценный день. А сегодня их проводят в комнаты.

Свернув от столовой в сторону западной части Н-образного здания, Далтон отвел их в прихожую, где располагалась большая лестница. Их разместили в перестроенном крыле; восточная сторона второго этажа содержала формальные гостиные, часовню (ладно хоть, светскую), где на узком витражном триптихе изображались мудрость, справедливость и не то просветление, не то пожар, и очередной калейдоскоп белых мужчин в гофре. Их так называемый общий аванзал (пафосный термин для комнаты, которая скоро все равно заполнится разномастными носками) был обычной гостиной перед спальнями, а те, в свою очередь, собрались в едином, непримечательном коридоре. На небольших табличках у дверей виднелись имена кандидатов.

– Как будто снова в школе-интернате, – пробормотал Каллум Парисе, хотя, конечно, никто больше связи не уловил. Увидеть ее худо-бедно мог еще Нико, ведь как только подтвердился его статус медита, его отослали из Гаваны в Новую Англию, но ему хотя бы хватило осо-

знания своего богатства, чтобы не указывать на это. В НУМИ обучалось полно студентов вроде Либби и Гидеона, которые до этого ходили в школы смертных; происхождение из магической денежной аристократии – это не то, чем принято бахвалиться, если только не желаешь вызвать у окружающих недоверие или антипатию. Для человека, который ощущал эмоции окружающих, Каллум проявлял ужасающую неосведомленность.

– Говори за себя, – пробормотала в ответ Париса, доказывая тем самым правоту Нико, хотя Каллум тут же усмехнулся.

– Вы люди взрослые, – сказал Далтон, уловив, к чему идет их приглушенный разговор, – поэтому правил нет. Постарайтесь только не надеть глупостей.

– Нет правил? – эхом повторил Тристан, глянув на Либби так, будто та от этих слов должна упасть в обморок. Тут он угадал: Либби всегда производила впечатление ябеды, а то, что одежда на ней была как со страниц весеннего каталога для универских старост (кардиган с квадратной горловиной, плиссированная юбка и туфли-балетки) этот образ дополняло.

– Посторонних в дом водить нельзя, – как бы уточняя очевидное, предупредил Далтон. – Никаких оговорок, ведь сюда все равно хода нет.

– Ты тоже здесь живешь? – спросила Париса.

– На территории, – уклончиво ответил Далтон.

– А если вдруг будут проблемы... – прошептала Либби.

– Это не школа, – снова прояснил Далтон, – и посему тут нет директора, которого следует оповещать, если кому-то что-то вдруг не понравится. Я, – добавил он, – вам не учитель и не опекун. Если проблема и правда возникает, то решать ее вам шестерым. Еще что-нибудь?

Ничего.

– Что ж, ладно, спокойной ночи, – пожелал Далтон, и все шестеро разбрелись в поисках комнат.

Спальни, как и сам дом, были выдержаны в невероятно английском духе: в каждой стояло по одинаковой кровати под балдахин, среднего размера столу, гардеробу, отделанному белым мрамором очагу и пустому книжному шкафу. Комната Нико – первая налево – располагалась рядом с комнатой Каллума и напротив Рэйны. Либби неловко добралась до конца коридора вместе с Тристаном, что Нико не удивило. Она сильно боялась неодобрения, а Тристану вряд ли кто-то когда-нибудь нравился по-настоящему. Пока что решение Нико заключить союз с Либби не принесло ему популярности, но лучше пусть с ним мирятся материалисты, чем держат за шавку остальные трое.

Со сном Нико не медлил. Во-первых, Гидеон обещал навестить, а во-вторых, его сила практически полностью зависела от физической формы. Если в общих чертах, то магия – это как спорт; прибегая к ней, приходилось изрядно попотеть, и между подходами требовалось восстановиться. Нико сравнивал колдовство с Олимпиадами смертных: человек с природной склонностью мог работать по своей специальности на базовом уровне довольно легко, даже не запыхавшись, но для золота требовались изнурительные тренировки. И еще больше предстояло пахать для результата за пределами своей области. Можно, конечно, стать чемпионом во всех видах спорта, но так и сдохнуть недолго. Совершать подвиги сродни тем, на которые шел Нико де Варона, мог либо сильно глупый, либо сильно талантливый медит.

К счастью, он был и жутко талантлив, и чрезвычайно глуп.

– Это было офигительно трудно, – заметил Гидеон, проявляясь в подсознании Нико где-то посреди его предыдущего, полузабытого сна. Зато сейчас он очутился в бесконечной тюремной камере, на узкой койке, а Гидеон смотрел на него из-за решетки.

– Где бы ты ни был, – произнес он, – это крепость.

Нико, нахмурившись, огляделся.

– Правда?

– Я не могу к тебе проникнуть, – сказал Гидеон, указывая на прутья. – Да и Макса пришлось оставить снаружи.

– Снаружи чего?

– О, одного из миров. – Они еще в универе попытались составить карту царства грез, но не смогли: области мыслей было не так-то просто охватить, а миры подсознания простирались слишком широко и, запутанные, постоянно менялись. – С ним все будет хорошо. Уверен, он спит.

Нико встал и подошел к решетке.

– Вот уж не думал, что будет так трудно. – Хотя, если так поразмыслить, догадаться стоило.

– Тут полно охранительных чар, – сказал Гидеон. – Больше, чем можно было бы ожидать.

– Даже ментальных?

– Особенно ментальных. – Гидеон ущипнул невидимую гитарную струну. – Видишь? Тут поработал телепат.

Если Тристан прав в своих предположениях, то это, наверное, Париса. Хотя вряд ли показанные чары сотворила она. Скорее всего, то была нить в составе крупного телепатического барьера. Логично, воруют же не всегда что-то материальное.

Нико задрал голову, высматривая камеру наблюдения (или ее местную вариацию), и заметил ее в углу.

– Вот, – сказал Нико, указывая на нее. – Постарайся без громких обвинений.

Гидеон обернулся и пожал плечами.

– По правде, мне и сказать-то больше нечего. – Пауза, потом: – *Avez-vous des problèmes? Tout va bien*⁴?

– *Sí, estoy bien, no te preocupes*⁵. – Любой, кто следил за ними, мог бы, наверное, перевести, но смысл был не в том. – Думаю, не стоит встречаться слишком уж часто.

Гидеон склонил голову в знак согласия.

– Пока я тут, ты толком не спишь, – заметил он. – А судя по местной системе безопасности, энергия тебе понадобится вся.

– Да, – вздохнул Нико, – возможно. – Он постарался не думать, насколько тяжело пройдут следующие два года, когда даже в подсознании не останется и следов Гидеона, не дающего свихнуться.

– Либби тут? – спросил Гидеон.

– Да, где-то здесь. – Нико скривился. – Хотя тебе этого знать не положено.

– Ну, я же просто наугад предположил. – Гидеон склонил голову набок. – Ты ведь хорошо с ней обращаешься?

– Я сама вежливость. Не надо учить меня манерам.

Улыбка Гидеона стала шире.

– *Ti me tanques*⁶, – сказал он. – Макс, естественно, твоего ухода не заметил.

– Ну еще бы. – Пауза. – *Y yo también*⁷.

– Без тебя так непривычно.

– Знаю. – На самом же деле разлуку Нико еще толком не прочувствовал. – Хотя бы тихо стало?

– Да, а мне тишина не нравится. Так и жду, что из уничтожителя мусора вынырнет мама.

– Не вынырнет, мы с ней поговорили.

⁴ Есть проблемы? Все нормально? (фр.)

⁵ Да, я в порядке, не переживай (исп.)

⁶ Скучаю по тебе (фр.)

⁷ И я по тебе (исп.)

– Вот как?

– Да, она неожиданно навестила меня в ванне, – признался Нико. – Но я бы сказал, что сумел ее убедить.

«В некотором смысле, – мрачно подумал он, – если защитные чары считаются».

– Николас, – со вздохом произнес Гидеон, – *déjàte*⁸.

Гидеон знал, конечно же, – ему ли не знать, – что Нико от большой любви прячет правду, но опять-таки, Эйлиф была темой сложной. Нико все не мог взять в толк, как ей удается пересекать астральные планы так легко (впрочем, какая-нибудь книга тут, наверное, и дала бы ответ, с надеждой осознал он), однако если отбросить детали, то она разбойница и притом необычайная. Что бы Эйлиф ни делала – в смысле магии, – ей это удавалось невероятно ловко, и потому Гидеон постоянно пребывал под ударом. Рисковать Нико не хотел. Последний раз, когда она угрозами заставила сына выполнять для нее работу, то истощила его, и у него несколько дней кряду не прекращались припадки. В конце концов Гидеон упал неподалеку от Томпкинс-сквер-парк и загремел в больницу, не успев связаться с Нико. И это еще не говоря о том, как Гидеона во всех мирах преследовал и те, кого он обокрал (деталь, которую Эйлиф не упомянула, будучи либо преступно забывчивой, либо – что вероятнее – просто преступницей). Нико, впрочем, без ее объяснений знал, почему Гидеон не дает себе спать, почти месяц отдыхая вполглаза.

О таких вещах, как и о том, что без чар Нико не обойтись, вслух говорить было не нужно.

– Гидеон, я просто пытаюсь...

Договорить Нико не успел: прутья скомкались, Гидеон пропал, а, открыв глаза, он обнаружил себя в крошечной тьме. Кто-то тряс его за плечо.

– Тут кто-то есть, – произнес чей-то голос, и сонный Нико с трудом сел.

– Что? Это просто мой друг, он не...

– Да не у тебя в голове. – Рэйна, наконец сообразил он, разглядев ее очертания в темноте. – Кто-то проник в дом.

– Откуда ты...

– Тут растения в каждой комнате. Они меня разбудили. – Тонем голоса она как бы сообщила: хватит болтать. – Кто-то пытается вломиться, если уже не вломился.

– И что мне делать?

– Не знаю, – сказала Рэйна, нахмутив брови. – Что-нибудь.

Нико опустил руку на пол и ощутил вибрацию дерева.

– Колебания, – сказал он. – Тут и правда кто-то есть.

– Это я знаю. Я же сказала.

Что ж, лучше ему будет разобраться с этим в одиночку или почти в одиночку. Рэйна, пожалуй, оказала ему услугу, разбудив первым.

Только вот он обещал не делать ничего единолично.

– Буди Роудс, – подумав, сказал Нико и встал. – Она в последней...

– В последней комнате направо, я знаю. – Рэйна ушла быстро, не задавая вопросов, а Нико украдкой выбрался в коридор, мимо гостиной (названной в честь какой-то там архитектурной мишуры), прошмыгнул в сторону западного входа в галерею и прислушался. Это получалось у него хуже, чем у Либби: она была тоньше настроена на колебания материи, на звуки и скорость – поэтому он обратился к другим своим чувствам. Уловил где-то внизу разрушение.

Он вздрогнул, когда за спиной раскрылась дверь в гостиную, но увидел всего лишь Парису.

– Ты слишком громко думаешь, – известила она его с сильным отвращением, и в этот момент из своей комнаты выбралась наконец Либби.

– Может, стоит разбудить...

⁸ Перестань (исп.).

– В чем дело? – зло спросил Каллум, широким шагом выходя в коридор.
– В доме кто-то есть, – ответил Нико.
– Кто? – хором спросили Либби и Каллум.
– Кто-то, – ответили Нико и Рэйна.
– Много кого, – уточнила Париса, приложив руку к стене и читая обстановку в доме как по азбуке Брайля. – По меньшей мере три точки доступа скомпрометированы.
– Она права, – сказала Рэйна.
– Я знаю, что права, – прорычала Париса.
– Тристана разбудили? – спросила Либби. Она, как и следовало ожидать, испугалась.
– Сама буди, – безразлично ответила Париса.
– Нет, – сказал Нико, оглядывая с балюстрады зал – не движется ли там кто. – Роудс идет со мной.
– Чего? – хором спросили Либби, Париса и Каллум.
– Вы меня слышали, – ответил Нико и жестом велел Либби следовать за ним. – Рэйна, буди Тристана и скажи ему, чтобы догонял нас. Роудс, не отставай.

Либби взглянула на него, как бы говоря «не смей мной помыкать», но Нико уже отвернулся и двинулся дальше. Каллум пошел следом прогулочным шагом, показывая, что ни капли не напуган.

Но не успели они дойти до лестничной площадки большого зала, как поняли, что нарушение границ переросло в полноценное проникновение. А с галереи увидели, что у передних дверей поджидает засада – хорошо скоординированная группа, хотя Нико пока еще не мог понять, сколько в ней человек.

– Пригнитесь, – зашипел он, утягивая за собой Либби и делая предупредительный жест Каллуму.

В воздухе что-то просвистело – из прихожей и прямо в их сторону. Снаряд был куда крупнее пули, так что, наверное, не смертельный. Скорее всего, для временного оглушения, как и многое из магического оружия. Правда, боеприпасы такого типа стоили дорого и не приносили большой пользы, если ими стреляли вверх в неизвестную цель. Нико задумался.

– Да это тест, наверное, – низким ленивым голосом произнес Каллум. – Чтобы заставить нас работать в коллективе.

Возможно, подумал Нико, хотя вслух с Каллумом соглашаться не торопился.

– Прикрой меня, – сказал он Либби.

– Ладно, – ответила та, скривившись. – Не поднимай головы.

В НУМИ ежегодно проходили турниры физиков; нечто вроде игры с захватом флага, только правил было меньше, а допущений – больше. Нико с Либби никогда не играли за одну команду и под конец пересекались в финальном раунде, однако в группе работа всегда сводилась к принципу: один атакует, другой прикрывает.

Нико поднялся на ноги, а Либби накатовала вокруг него тонкий пузырь защиты, манипулируя молекулярной структурой воздуха. По большей части мир представлял энтропию и хаос; зато магия являла собой порядок, потому что давала контроль. Нико и Либби умели менять материю вокруг себя: брали тягу вселенной заполнять вакуум и гнули ее, искривляли, меняли. Они были естественными источниками энергии, двойными резервуарами для огромного электрического заряда и умели не просто подчинять силу, необходимую для взрыва, но еще и прокладывать путь с наименьшим сопротивлением.

Однако никакой батареечки не хватит на все. Сражение в одиночку – отличный способ потратить время и энергию, поэтому Нико предпочел раскинуть сеть пошире. Он изменил вектор трения в гостиной, отбросив захватчиков к дальней стене. Тут же к ним устремились тонкие побеги растений и крепко спеленали их.

– Спасибо, Рэйна, – сказал Нико, облегченно выдохнув, когда вернул баланс сил в комнате. Рэйна у него за спиной в ответ только пожала плечами.

Защитный пузырь Либби рассеялся.

– И это все? – спросила Либби. Нико про себя сосчитал тела в ловушке Рэйны – всего трое, и это подозрительно. Разве троих достаточно для того, чтобы вломиться в дом с той защитой, которую выявил Гидеон?

– Нет, – подсказала Париса, и Нико моргнул, забыв на мгновение о ее способностях, но потом решил, что сейчас не время тратить силы на сокрытие мыслей. – В восточном крыле, у столовой еще кто-то...

– И в библиотеке, – подсказала Рэйна, а потом раздраженно поправилась: – В раскрашенной комнате.

– Так где? – зло спросил Каллум.

– Ты вообще помогать собираешься? – Рэйна гневно посмотрела на него.

– Помог бы, если бы решил, что стбит заморачиваться. А так какой смысл напрягаться?

– В чем тут дело? – спросил Тристан; снизошел-таки и присоединился к остальным.

– Блэйкли нас проверяет, – ответил Каллум.

– Ты не знаешь наверняка, – возразила Либби и сосредоточенно нахмурила брови. Явно ощущала, что люди внизу вот-вот выдадут себя. – Все может быть по-настоящему.

– С этими что делать? – спросила Рэйна и указала на людей, извивавшихся в зеленых путях.

– Ну, – нетерпеливо сказала Париса, – раз уж они гости нежеланные...

– Варона, ты это слышишь?

Но не успел Нико ответить «да, Роудс, раз уж ты это слышишь, то и я, очевидно, тоже», как по ушам врезало странным, дезориентирующим звоном. Разум наполнился пустой белизной, что слепила даже закрытые глаза.

Нико смутно ощутил укол чем-то острым, будто его пронзили иглой. Что-то впилося ему в плечо, и захотелось отмахнуться, да только его словно парализовало: он ничего не видел, кроме белого света, и не слышал, кроме какого-то скрежета. В голове агрессивной опухолью, грозившей поглотить все, росло давление.

А потом звон ушел, и Нико, открыв глаза, увидел, как Либби пытается ему что-то сказать. «Варона, – прочел он по губам. – Варона, это война!»

Война? Нет, не война.

Он моргнул, и зрение прояснилось.

Волна.

Отлично. Нико поднял было правую руку, но, пошатнувшись от боли, переключился на левую. Ухватился за частичку звука и, размотав ее, словно кнут, ударил. Либби, которая уже вытащила его из-под парализующей звуковой волны, погасила чужую атаку.

– ...никакой это не тест, – договорила она, а Нико осознал, что в плече болит вовсе не от укола. Рана кровоточила, а такие, насколько он знал, магическое оружие не оставляет. Он скользнул к основанию балюстрады и вгляделся между балясинами на то, что творилось внизу, тогда как остальные спрятались в укрытие, вжимаясь в стену с противоположной стороны.

– Это, – в ужасе проговорила Либби, – не поддельная рана!

– Огнестрел, – заметила Париса. – Кто бы это ни был, они не маги.

Логично, пусть даже сперва их атаквали магией; кое-какие ее формы можно продать смертному покупателю, лишь бы у него денег хватило, а вот медитов и так мало, нет смысла посылать на убой целую группу. Стволы дешевле и эффективнее, Нико сам только что убедился. Он раздраженно зарычал, сворачивая кровь взмахом руки.

– Общество не могло пойти на такое, – протестовала Либби. – Мы должны что-нибудь предпринять!

– Здесь по меньшей мере один медит, – сквозь стиснутые зубы процедил Нико и попытался подняться. Унимать боль он не собирался, потому что потратил бы на это больше энергии, чем мог себе позволить. Рана не смертельная, он займется ею позже. – Думаю, надо разделиться. Могу взять на себя остальных, если Роудс поищет медита.

– Остальных? – с сомнением повторил Каллум. – У тебя плечо в мясо. Это же не пистолет, а автоматическая винтовка. Вдруг это военный спецназ?

– Крайне тебе признателен, – съязвил Нико, и в этот момент снизу раздался еще выстрел. Нико прекрасно понимал, с чем имеет дело. – Никто не стал бы вооружать банду медитов калашами, – проорал он, перекрикивая грохот очереди, – так же, как никто не стал бы засылать сюда смертных без магического прикрытия. – Если это какой-то отряд военных, то ими наверняка командует медит. – А если наш маг умеет в волны, Роудс услышит его приближение.

– Тогда точно надо разделиться, – сказала Париса, которая хотя бы сохраняла хладнокровие. Она говорила как ни в чем не бывало, будто советовала надеть ветровку в прохладную погоду.

– Да, хорошая идея. Ты со мной, – предложил ей Нико. – Роудс может взять Тристана, а Рэйна пойдет с...

– Я остаюсь, – сказала Рэйна.

– Что? – хором спросили Каллум и Либби: он с насмешкой, она – с сомнением.

Рэйну это не проняло.

– Нико возьмет на себя больше людей. У меня есть боевой опыт.

– Правда? – Нико зло уставился на нее.

– Ну, я обучалась приемам рукопашного боя, – поправилась Рэйна, что прозвучало так, будто она всего лишь прочитала уйму книг по этой теме. – И потом, вы ведь все думаете, что я в своей области бесполезна, не так ли?

– Нет времени спорить, – напомнила Либби, не давая больше никому ничего сказать. – Париса, бери Каллума, – сказала она, лишь бы самой с Каллумом не идти, – Варона прав, Тристан может пойти со мной.

– Отлично, – равнодушно ответила Париса. – Я отыщу медита.

– Хорошо, а мы проверим точки доступа внизу...

Вот и славно, больше Нико ничего обсуждать не собирался. Рука к тому времени слегка онемела – видимо, потому что он мысленно уже отбивался от противников, забыв о ране.

В турнирах он был очень, очень хорош. Четыре года подряд его признавали лучшим, а Либби даже если старалась... ладно, она выкладывалась по полной, но Нико ни разу побить не сумела. Он любил адреналиновое опьянение, но потом все же собирался обратиться к врачу, с пулевой-то раной. По его не совсем скромному мнению, ему были многим обязаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.